Кр-2020387. М726
рф

Молодая жизнь.

№ 682. Изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ Ц. 7 к.
въ Ростовѣ на Дону.

ач 3/606

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ.—Народовластіе въ древней Руси . . . . . 15 к.
И. И. Дитятинъ.—Екатерининская комиссія . . . . . 15 к.
Дарестъ—Бельгійская конституція 7 к.
И. П. Бѣлоконскій. — Самоуправленіе и земство . . . . . 7 к.
Е. И. Булгакова—Японія и японцы 20 к.
А. Ѳ. Быкова.—Англія и англичане 15 к.
Б. Б.—Великая французская революція . . . . . 15 к.
Бебель—Государство будущаго . 10 к.
В. Водовозовъ—Всеобщее избирательное право на Западѣ . . 5 к.
Гауптманъ—Томъ 2-й (Ткачи и Извозчикъ Геншель) . . . . 30 к.
Феликсъ-Гра—Марсельцы . . . . 25 к.
А. Горбуновъ — Гарантіи личной свободы въ Англіи . . . . . 15 к.
Гэдъ—Коллективизмъ . . . . . 4 к.
Голубевъ—Роль земства . . . . 12 к.
Н. Дубровскій — Іюль 1830 г. во Франціи . . . . . 7 к.
С. Живаго—Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи . . . . . 6 к.
Е. Звягинцевъ — Обществен. движеніе въ Россіи . . . . . 20 к.
Зомбартъ--Соціализмъ въ XIX в. 20 к.
Зомбартъ — Рабочее движеніе въ XIX вѣкѣ . . . . . 20 к.
Н. Карышевъ—Экономич. бесѣды 15 к.
К. Каутскій—Ирландія . . . . . 7 к.
К. Каутскій—Противорѣчія классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г. . . . . 20 к.
К. Каутскій—Развитіе формъ государства . . . . . 7 к.
Каутскій—Соціальная реформа . 25 к.
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв. . . . . 15 к.
А. Кизеветтеръ — Русское Общество въ XVIII столѣтіи . . . 15 к.
А. Кизеветтеръ — Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи . . . 10 к.
А. Кизеветтеръ — Кузнецъ-Гражданинъ (изъ эпохи 60 годовъ) 10 к.
Карѣевъ — Французскіе писатели XVIII вѣка . . . . . 10 к.
Котляревскій—Представительство совѣщательное . . . . . 4 к.
ангманъ — Бартель Туразеръ, драма изъ рабочей жизни . . 15 к.

Лассаль — Сущность конституціи (2 рѣчи) 8
Лассаль—Программа работниковъ 8
Либкнехтъ—О налогахъ 5
Либкнехтъ—Отъ обороны къ нападенію 10
В. Мякотинъ — На зарѣ русской общественности 15
Милюковъ — Верховники и шляхетство 15
Марксъ— Гражданская война . . 10
Д. Петрушевскій—Великая хартія вольностей 15
С. Прокоповичъ—Длина рабочаго дня по русскому законодательству 10
Прокоповичъ—Аграрное движеніе 10
Рожковъ — Исторія крѣпостного права въ Россіи 10
Семевскій — Изъ исторіи общественнаго теченія въ 40-хъ г. . 20
Б. С.—Трудъ и Капиталъ. Первоначальныя свѣдѣнія по политической экононіи 10
С. Г. Сватиковъ — Созывъ народныхъ представителей 10
Сторожевъ — Біографія Грановскаго 10
Шиппель — Профессіональные рабочіе союзы 10
В. Щерба—Исторія русской школы 10
Эркманъ-Шатріанъ — Исторія одного крестьянина 20
Энгельсъ—Жилищный вопросъ . 10
Милюковъ—Исконныя начала . 5
Джевелеговъ—Отвѣтствен. минист. 8
Аничисъ—Студенты и соціальный вопросъ 5
Общественное движ. въ Японіи . 6
Якушкинъ—Государствен. дума . 8
Голубевъ—Крест. въ госуд. думѣ 8
Водовозовъ—Пр. изб. зак. въ учр. собр. 8
Жбанковъ—Когда въ Рос. оконч. тѣл. нак. 8
Семевскій—Крѣпостное право у Щедрина 8
Русская исторія ч. I 10
Русская исторія ч. II . . . . . 1[illegible]
Царь голодъ . . . . . 1[illegible]
48-й годъ въ Германіи . . . . .
Экономическое положеніе евреевъ
Мирбо—Дурные пастыри . . . .
Сватиковъ—Общ. движ. въ Россіи 6

М-726.

Молодая жизнь.

Ростовская на Дону
Государственная
Научная
Библиотека
им. К. Маркса
(Для книг)

№. 682. Изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ Ц. 7 к.
въ Ростовѣ на Дону.

Типографія Бусселя, Мытнинская наб. 9.

Молодая жизнь.

(РАЗСКАЗЪ).

Отецъ Афанасій Силоамскій овдовѣлъ, когда его единственной дочкѣ, Липочкѣ, не было еще двухъ лѣтъ, и такъ какъ ему самому некогда было заниматься ея воспитаніемъ, то она до пятилѣтняго возраста росла на попеченіи деревенскихъ бабъ, приходившихъ помогать батюшкѣ въ хозяйствѣ. Часто, когда о. Афанасій отлучался изъ дому на требы, Липочку уводилъ къ себѣ кто-нибудь изъ сосѣдокъ, и дѣвочка переходила изъ избы въ избу, пила и ѣла за мужицкимъ столомъ, изъ мужицкой чашки мужицкую похлебку и цѣлый день проводила на улицѣ съ ребятишками. Нравъ у нея былъ тихій, веселый, никогда она не капризничала, никому не мѣшала, и въ селѣ ее очень любили, а старая бабка Афимья, занимавшаяся знахарствомъ и считавшаяся за прозорливицу, часто говорила, глядя на Липочку:

— Нѣтъ, бабы, не жилецъ эта дѣвка на бѣломъ свѣтѣ! Не жилецъ и не жилецъ, ужъ повѣрьте моему слову! Не што это дите? Не дите, а ангелъ божій, а ангелы то самому Господу-батюшкѣ нужны!

Она пригорюнивалась, и слеза набѣгала на ея старые, тусклые глаза, а Липочка, ничего не понимая, глядѣла на всѣхъ и улыбалась. Улыбка у нея была удивительно свѣтлая, и даже самыя заскорузлыя отъ нужды и работы мужицкія сердца смягчались при видѣ Липочкиной улыбки. Не было во всемъ селѣ Котоваловѣ ни одного человѣка, который бы, проходя мимо Липочки, не остановился и не погладилъ ее по бѣленькой головкѣ. Пьяный кузнецъ,

Анурка, извѣстный своей свирѣпостью и необузданнымъ во хмѣлю характеромъ, и тотъ укрощался передъ Липочкой, переставалъ изрыгать непотребную, кабацкую ругань и лѣзъ со своей громадной, закоптѣвшей ручищей погладить Липочку по румяной щечкѣ, оставляя на ней слѣды сажи и грязи деревенскихъ лужъ, въ которыхъ онъ валялся. Липочка добродушно принимала эту пьяную ласку и улыбалась.

— Зачѣмъ, Анурка, ты водку пьешь? говорила она ему иногда, своимъ дѣтскимъ картавымъ языкомъ, повторяя то, что часто говорили Ануркѣ старшіе.

Вмѣсто того, чтобы разсердиться, какъ Анурка сердился каждый разъ, когда ему это же самое говорили другіе, — онъ задумывался и долго глядѣлъ на Липочку своими красными, воспаленными отъ водки глазами.

— Зачѣмъ пью? бормоталъ онъ, качаясь на своихъ искалѣченныхъ простудой и пьянствомъ кривыхъ ногахъ. Зачѣмъ я пью?... Ишь ты... зачѣмъ пью... Эхъ, ты, дѣтушка моя... постой, выростешь, можетъ узнаешь, отчего подлецъ-Анурка пьетъ... А теперича иди-ка, играй... играй, да на меня подлеца не серчай... вырастешь—все узнаешь!

Онъ, пошатываясь, уходилъ въ кабакъ, а Липочка смотрѣла ему вслѣдъ и, наморщивъ лобикъ, о чемъ то думала. Ей было жалко пьяницу-Анурку...

Когда ей сравнялось пять лѣтъ, о. Афанасій рѣшилъ, наконецъ, что пора заняться ея воспитаніемъ, и самъ началъ учить ее грамотѣ. Дѣвочка была очень понятлива и скоро, безъ особенныхъ усилій со стороны о. Афанасія, выучилась читать и писать, восхищая отца своими способностями, своей необыкновенной любознательностью и своими забавными вопросами, надъ которыми онъ иногда отъ души смѣялся, а иногда и задумывался. Поглощенный церковной службой и мелкими хозяйственными нуждами и заботами, о. Афанасій мало читалъ, еще меньше думалъ, и маленькая дочка часто ставила его втупикъ своей пытливостью. Она все хотѣла знать, на все требовала отвѣта, а отецъ Афанасій не всегда умѣлъ отвѣчать и по временамъ совершенно терялся передъ этой крошечной дѣвочкой съ бѣленькой косичкой на затылкѣ. Тогда, чтобы скрыть свое смущеніе, онъ начиналъ хохотать и говорилъ:

— Ахъ ты, клопъ эдакій! Ну, клопъ! Вѣдь, выдумаетъ же! Большому и то въ голову не вскочитъ эдакое, а она,

ишь ты, отъ горшка два вершка, а туда же разсуждаетъ! Ахъ ты, фитюлька!

Глядя на него, Липочка тоже начинала смѣяться, и веселыя ямочки играли на ея круглыхъ щечкахъ. Но проходилъ день-другой, и она снова являлась къ отцу съ какимъ-нибудь вопросомъ, на который о. Афанасій не зналъ, что отвѣчать. Происходили большія недоразумѣнія; батюшка путался, краснѣлъ, пыхтѣлъ; дѣвочка смотрѣла на него во всѣ глаза, ничего не понимая изъ его сбивчивыхъ объясненій, и кончалось тѣмъ, что о. Афанасій сердился и прогонялъ Липочку играть въ куклы.

— Это все бабы наколотили ей въ голову всякой дряни, думалъ онъ. Откуда ей самой придумать? Наслушалась тамъ всего, по избамъ бѣгая, вотъ и забродило въ умишкѣ... Не надо ее въ село пускать.

И онъ, чтобы она не бѣгала по улицѣ, засадилъ ее за священную исторію. Но вышло еще хуже: новый міръ открылся передъ Липочкой, и бѣленькая головка ея заработала еще сильнѣе. Богъ-Саваофъ, сидящій на небесахъ, ангелы, сходящіе на землю, патріархи, блуждающіе по безграничнымъ пустынямъ со стадами своихъ овецъ, войны израильтянъ съ филистимлянами и амалекитянами, вдохновенные пророки, возстающіе на беззаконія народовъ и царей,—все это поражало ея воображеніе и возбуждало тысячи новыхъ вопросовъ. Отчего ангелы прежде часто приходили на землю, а теперь не приходятъ никогда? Отчего Богъ не разсердился на Авраама за то, что онъ прогналъ Агарь въ пустыню, гдѣ она чуть было не умерла отъ жажды? Почему Богъ любилъ израильтянъ, а филистимлянъ не любилъ? И теперь — почему Онъ однихъ людей любитъ, а другихъ нѣтъ,—однимъ даетъ все, а другимъ—ничего?

— Вотъ такъ выдумала! говорилъ о. Афанасій, совсѣмъ озадаченный. Это откуда же ты взяла, что однихъ людей Богъ любитъ, а другихъ не любитъ?

— Да какъ же! возражала Липочка съ убѣжденіемъ. Вотъ Анурку Богъ не любитъ, нищенку-Настасью не любитъ, дурочку-Гашку не любитъ, плотника Иваныча не любитъ, да мало ли кого?

— Это почему же такое не любитъ?

— Да потому что, если бы любилъ, они бы не такіе были. Анурка бы не пьянствовалъ и жену не билъ; На-

стасья не побиралась бы, Гашка была бы умная, и въ нее мальчишки камней не кидали бы, а плотникъ Иванычъ не упалъ бы съ крыши и не ходилъ съ костылями. Вотъ вѣдь, мнѣ ихъ всѣхъ жалко, а Богъ, стало быть, не жалѣетъ. Кабы Онъ ихъ жалѣлъ, Онъ бы съ ними такъ не сдѣлалъ.

— Ну, братъ, Богъ получше насъ съ тобой знаетъ, что дѣлать, строго говорилъ о. Афанасій. Это, братъ, не наше дѣло Бога судить. Что Онъ дѣлаетъ, то, стало быть, такъ и надо!

— Зачѣмъ надо? продолжала приставать неугомонная дѣвочка.

— Ну какъ зачѣмъ? Можетъ быть Онъ ихъ за грѣхи наказываетъ.

— За какіе грѣхи?

— За разные! Заповѣди то учила? Не убій, не укради, чти отца и мать, не сотвори себѣ кумира, — помнишь вѣдь?

— Помню, задумчиво говорила Липочка.

— Ну вотъ и помни хорошенько. Будешь жить по заповѣдямъ, и Богъ тебя возлюбитъ. А преступишь заповѣдь— Онъ тебя отвергнетъ и накажетъ! торжественно заканчивалъ о. Аѳанасій, вполнѣ увѣренный, что убѣдилъ Липочку.

Дѣйствительно Липочка на нѣкоторое время успокаивалась и замолкала. Тихонько сидѣла она въ своемъ уголку надъ книжкой, и о. Афанасій начиналъ думать, что она уже забыла о предыдущемъ разговорѣ и теперь не сомнѣвается больше въ справедливости божіей. Однако, онъ ошибался, и черезъ нѣсколько дней Липочка снова приступила къ нему съ встревоженнымъ и озабоченнымъ видомъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго.

— А отчего это, папаша, Богъ не накажетъ мельника Филиппа? спросила она, облакачиваясь къ отцу на колѣни и заглядывая ему въ глаза. Вѣдь, онъ не по заповѣдямъ живетъ?

Мельникъ Филиппъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ прихожанъ о. Афанасія и пользовался большимъ почетомъ. Родомъ онъ былъ изъ мужиковъ, но, разбогатѣвъ, приписался въ купцы, и теперь у него была паровая мельница, хуторъ, 2000 десятинъ земли и нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ банкѣ. Жилъ онъ довольно открыто, по тор-

жественнымъ днямъ устраивалъ обѣды и вечера, и о. Афанасій частенько бывалъ у него въ гостяхъ, гдѣ можно было не только вкусно поѣсть и попить, но иногда даже перекинуться отъ скуки въ картишки. И вдругъ о такомъ важномъ въ уѣздѣ лицѣ Липочка выражается съ такимъ непочтеніемъ! О. Афанасій даже весь покраснѣлъ и долго не могъ выговорить ни слова.

— Вотъ те и на! воскликнулъ онъ, наконецъ. Это еще что такое за штука? Кто тебѣ сказалъ, что Филиппъ Петровичъ не по заповѣдямъ живетъ?

— Мнѣ никто не сказалъ, отвѣчала Липочка. Я сама знаю.

— Что ты знаешь, пиголица?

— А какъ же, папаша? По заповѣдямъ развѣ такъ живутъ? Вотъ онъ богатъ, а никому ничего не даетъ, да еще у другихъ отнимаетъ. Намедни у Петрухи Коновалова послѣднюю телушку отнялъ. Самъ живетъ вонъ въ какомъ домищѣ, а его дядя, Михѣй, побираться ходитъ. Одинъ разъ пришелъ къ нему во дворъ хлѣбца попросить, а онъ его побилъ да еще велѣлъ со двора прогнать. Развѣ это хорошо? А Богъ его ни чуточки не наказываетъ,— ишь, онъ какой толстый да красный и все хохочетъ.

На этотъ разъ о. Афанасій вмѣсто отвѣта отодралъ Липочку за уши и поставилъ ее въ уголъ до тѣхъ поръ, пока не свяжетъ 20 сажней нитокъ на чулкѣ. Липочка съ краснымъ ухомъ, тихонько всхлипывая, стояла въ углу и вязала чулокъ, а о. Афанасій ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и размышлялъ, что ему дѣлать съ этой странной дѣвочкой? Она заставила его сильно призадуматься. И жалко ему было наказывать свою дочку единственную, и въ то же время онъ не видѣлъ другого средства, чтобы отучить ее отъ „вредныхъ умствованій", которыми была набита эта маленькая головка съ бѣлой косичкой на затылкѣ. Напрасно онъ ломалъ голову и такъ и эдакъ, напрасно старался призвать на помощь всю свою давно забытую семинарскую науку,—ничего не выходило. „И въ кого она эдакая уродилась?" думалъ онъ, искоса поглядывая на Липочку и дѣлая надъ собой усиліе, чтобы не разжалобиться. — Мать была женщина простая, солила себѣ огурцы, прекрасно варила варенье, вышивала отлично, и больше ничего. Я тоже человѣкъ простой, смирный, въ семинаріи даже Чернышевскаго боялся читать, чтобы какъ

нибудь грѣхомъ не попасться, а вотъ поди ты, родили же эдакого звѣренка! А еще Дарвинъ тамъ говоритъ: „наслѣдственность"! Вретъ Дарвинъ, — какая наслѣдственность? Просто это оттого, что она безъ матери растетъ, воспитанія нѣтъ женскаго, съ деревенскими ребятишками путается. Бабы проклятыя мутятъ!.. Нѣтъ, надо ее куда нибудь въ заведеніе поскорѣе отдать, — тамъ ее вышколятъ! Или женщину какую нибудь приличную въ домъ взять!

Въ это время къ о. Афанасію зашла бабка Афимья ладонцу кусочекъ попросить и, увидѣвъ свою любимицу Липочку въ углу, всю заплаканную, напустилась на батюшку.

— За что это ты ее, отецъ, тиранишь? Что она тебѣ сдѣлала? Ишь, дѣвка себѣ глаза по кулаку наплакала, а тебѣ и горя мало? Дитятко мое, да чѣмъ же это ты папашу изобидѣла?

Дѣвочка, тронутая участіемъ старухи, заплакала еще пуще не столько отъ боли, сколько отъ обиды. О. Афанасій разсердился, хотя и самъ чувствовалъ, что наказалъ Липочку напрасно.

— Молчи, карга, не твое дѣло! крикнулъ онъ на Афимью. Чего ты раскудахталась? Я самъ знаю, за что наказываю. Липочка, поди сюда!

Липочка, вытирая глаза чулкомъ, подошла къ отцу.

— Ну, будетъ хныкать, строго сказалъ о. Афанасій. На первый разъ довольно. Иди себѣ, да не смѣй мнѣ глупостей болтать. Не будешь?

— Не буду, прошептала Липочка.

— Ну, вотъ и помирились, съ облегченіемъ сказалъ батюшка и, когда Липочка вышла изъ комнаты, онъ обратился къ Афимьѣ. — Это все вы тамъ, бабье проклятое, ей всякую ерунду наговариваете! Наболтали про мельника Филиппа, что онъ грабитель, живодеръ, такой-сякой, а дѣвочка сдуру повторяетъ! Хорошо еще, что мнѣ одинъ-на-одинъ сказала, а, не дай Богъ, при немъ эдакъ ляпнетъ, да что я тогда буду дѣлать? Вѣдь, меня тогда Филиппъ со свѣту сживетъ!

— Сживетъ, пригорюнившись, повторила Афимья.

— То-то же и есть! Сама знаешь, человѣкъ онъ сильный,—напишетъ архіерею, и полетишь вверхъ-тормашками! Помина йтогда попа Афанасія!

— Это ужъ какъ пить дать! подтвердила опять старуха.

— Ну вотъ! А вы меня подъ отвѣтъ подводите, не жалѣете своего батюшку. Нашли кому болтать,—ребенку! Что она понимаетъ?

— И-ихъ, отецъ! со вздохомъ сказала Афимья. Да мы и сами то чего понимаемъ? Какъ есть ничегошеньки... А дочка твоя, я тебѣ скажу, сама всякаго научитъ. Премудрая она у тебя, отецъ,—я сроду-родясь эдакихъ дѣтей премудрыхъ не видывала. Не жилецъ она на бѣломъ свѣтѣ!..

О. Афанасій подскочилъ, какъ ужаленный, и плюнулъ.

— Тьфу! Типунъ тебѣ на языкъ, старая колдунья!.. Чего каркаешь? Вѣдь, ляпнетъ же эдакое, требуха коровья... Пошла вонъ!

Старуха, бормоча что то про себя и вздыхая, побрела изъ комнаты, а о. Афанасій бросился искать Липочку. Она сидѣла на дворѣ у погребицы съ развернутой книжкой на колѣняхъ и, склонивъ свою бѣлокурую головку, читала нараспѣвъ: „и сказалъ тогда Христосъ: легче верблюду взойти въ игольное ухо, нежели богатому въ царствіе небесное“...

У о. Афанасія отлегло отъ сердца и, скрывая отъ дочери набѣжавшія на глаза слезы, онъ подсѣлъ рядомъ съ нею на ступеньку и сказалъ:

— Ну, будетъ тебѣ читать, Липочка, — глаза испортишь! Ты бы побѣгала!

— Я не хочу, папаша, отвѣчала Липочка, поднимая на него свои свѣтлые, еще заплаканные глаза.

— Ну вотъ, „не хочу“! Еще успѣешь начитаться! Ухо то прошло? шутливо сказалъ онъ и взялъ Липочку за надранное ухо.

Липочка улыбнулась, и ямочки заиграли у нея на щекахъ.

— Да оно у меня и не болѣло совсѣмъ, папаша! Такъ, чуть-чуть...

— А отчего же ты ревѣла, козявка?

— Да оттого, что стыдно! Афимья пришла, а я въ углу стою...

— А ты глупостей никогда не говори, наставительно сказалъ отецъ. Ты еще маленькая, ничего не понимаешь, а смѣешь обо всѣхъ судить. Такъ, братъ, нельзя: Христосъ

и то грѣшниковъ прощалъ, а ты, ишь, выскочила! Терпѣть, братъ, надо,—терпѣнье да смиренье—великая сила!.. А судить насъ всѣхъ Господь Богъ будетъ и воздастъ коемуждо по дѣламъ его... Такъ то козявочка!

И, вспомнивъ вдругъ зловѣщія слова бабки-Афимьи, о. Афанасій въ порывѣ грустной нѣжности схватилъ дѣвочку на руки и сталъ цѣловать ее въ бѣленькую головку, шепча про себя: „Никому не отдамъ, никому, никому“...

Отецъ съ дочерью помирились, и Липочка совсѣмъ перестала задавать отцу разные щекотливые вопросы. Попрежнему сидѣла она въ своемъ уголку за книжкой и что то думала про себя, по вечерамъ долго молилась и любила ходить въ церковь. О. Афанасій не могъ на нее нарадоваться, но по временамъ какая то смутная тревога смущала его душу, и онъ съ боязнью глядѣлъ на дѣвочку. Афимьины слова глубоко засѣли ему въ душу, и онъ о нихъ никакъ не могъ позабыть. Часто, сидя въ гостяхъ, онъ вдругъ вспоминалъ: „А что то дѣлаетъ Липочка? не захворала ли?“ — и, схвативъ шапку, бѣжалъ домой. Когда въ Котоваловѣ появлялась какая-нибудь заразная болѣзнь, о. Афанасій выходилъ изъ себя, брызгалъ карболкой по всѣмъ угламъ и съ утра до вечера приставалъ къ Липочкѣ съ вопросами: „Не болитъ ли головка? Не трудно ли глотать? Отчего она морщится, когда ѣстъ? Отчего скучна?“ и т. д.

Но, несмотря на всѣ эти страхи и безпокойства о. Афанасія, Липочка росла себѣ да росла, выравнивалась, цвѣла свѣжестью и здоровьемъ и въ 12 лѣтъ была хорошенькой дѣвочкой съ пышной свѣтлорусою косою, которая уже не торчала забавнымъ крючечкомъ на затылкѣ, а толстымъ жгутомъ падала до пояса. Большіе каріе глаза ея смотрѣли также ясно и открыто, а на румяныхъ щекахъ, когда она смѣялась, попрежнему играли ямочки. Деревенскія бабы, которыя когда то няньчили Липочку на своихъ рукахъ, любовались на хорошенькую поповну и говорили о. Афанасію.

— Ну, папаша, и дочка же у тебя растетъ! Красавица да умница, стоитъ чести приписать! Дай Богъ ей женишка хорошаго!...

О. Афанасій самодовольно усмѣхался въ свою сѣдѣющую бороду и говорилъ съ притворно-суровымъ видомъ:

— Ну, еще о женишкѣ нечего думать, — пусть по-

учится прежде! Вы вотъ наколотите ей опять глупостей въ голову и собьете мнѣ дѣвочку съ толку. Знаю я ваши дурацкія бабьи привычки!

— И, что-ты, отецъ! смиренно отвѣчали бабы. Да нешто мы ей худого желаемъ? Слава Тебѣ, Господи, она, почитай, наша прирожденная, все равно, что свое дите! А своему дитю нешто худого пожелаешь?

И, дѣйствительно всеселно смотрѣло на Липочку, какъ на родную свою дочку, и когда дѣвочка шла по улицѣ, бабы высовывалась изъ оконъ, и, провожая ее глазами, говорили: „Вонъ наша поповнушка пошла"!... А окончательно спившійся Анурка при встрѣчахъ съ Липочкой еще издали сдиралъ съ головы шапку и, балансируя среди улицы на своихъ ногахъ, которыя совершенно отказывались ему служить, оралъ хриплымъ голосомъ:

— Поповнѣ Липочкѣ почтеніе! Голубочкѣ нашей отъ пьяницы-Анурки нижайшій поклонъ. Проходи смѣло, — никто не тронетъ... Разр-ражу!...

И, потрясая кулачищами по адресу какого то невѣдомаго Липочкина оскорбителя, Анурка долго еще посылалъ вслѣдъ Липочкѣ поклоны, пересыпанные нѣжнѣйшими эпитетами, какіе только имѣлись въ его распоряженіи.

Осенью отецъ Афанасій отвезъ дочку въ губернскій городъ и помѣстилъ ее въ Епархіальное училище. Вступительный экзаменъ она выдержала превосходно, и о. Афанасій, возвратившись изъ города, съ гордостью разсказывалъ всѣмъ, сколько она получила изъ ариѳметики, какъ отмѣнно отвѣчала она изъ закона Божія и какъ даже самъ владыко обласкалъ ее, послѣ экзамена долго съ нею бесѣдовалъ и спросилъ ее,—чья она дочь? А когда Липочка отвѣтила, что по отцу она Силоамская, то владыко будто бы многозначительно поднялъ палецъ и сказалъ: „А, Силоамская, — знаю о. Силоамскаго, добрый пастырь стаду своему, и ты ему достойная дщерь"!.. Послѣднее можетъ быть о. Афанасій и привралъ на радостяхъ, но всѣ ему вѣрили и, слушая его безконечные разсказы о Липочкиныхъ тріумфахъ, радовались вмѣстѣ съ нимъ.

Однако, когда первый радостный угаръ прошелъ, и о. Афанасій увидѣлъ себя одинокимъ въ своемъ опустѣвшемъ домикѣ, онъ сильно заскучалъ. Липочки не было, но все напоминало о Липочкѣ... Вотъ ея столикъ, за которымъ она, бывало, тихонько копошилась, какъ пугливая

мышка, вотъ ея книжки съ картинками, грубо раскрашенными ею самою, вотъ ея недовязанный чулокъ... Подойдетъ о. Афанасій къ столику, возьметъ одну книжку, потомъ другую, потрогаетъ чулокъ, вздохнетъ и опять начнетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Иногда запоетъ вполголоса: „свѣте тихій“ или „отверзи ми двери“, но голосъ его такъ жутко загудитъ по пустымъ угламъ, что о. Афанасій самъ испугается и замолчитъ. И все вспоминается ему Липочка, ея смѣхъ, ея ямочки на щекахъ, ея звонкій голосокъ,—и прослезится о. Афанасій.—Отъ скуки онъ началъ выпивать, сначала втихомолку и въ одиночку, потомъ открыто, за обѣдомъ рюмочку, за ужиномъ рюмочку, а въ гостяхъ и побольше.

Когда отъ Липочки пришло первое письмо, о. Афанасій обрадовался и цѣлую недѣлю носился съ этимъ письмомъ, читая его всѣмъ и каждому. Липочка писала, что она учится хорошо, что учитель исторіи у нихъ добрый и хорошій, а учитель ариѳметики злющій-раззлющій, что начальницу у нихъ зовутъ Ежевикой, за то, что у нея на носу бородавка величиной съ ежевику, и что Липочка начала вышивать милому папашѣ туфли.—„Ахъ ты, проказница, охъ, проказница“! въ умиленіи шепталъ о. Афанасій, перечитывая это письмецо чуть не въ сотый разъ, и ему казалось, что ужъ лучше и умнѣе этого письма никто, кромѣ Липочки, не напишетъ. Затѣмъ, вооружившись очками, онъ въ свою очередь написалъ ей въ отвѣтъ длиннѣйшее посланіе, въ которомъ совѣтовалъ ей учиться хорошенько, слушаться учителей, молиться Богу, а начальствующихъ лицъ не называть ни ежевикой и никакой другой ягодой, потому что ягода сама по себѣ, а начальство само по себѣ и самимъ Богомъ установлено.

На Рождество Липочка пріѣхала къ отцу и внесла въ поповскій унылый домикъ свѣтъ, тепло и жизнь. Съ утра до вечера ея звонкій голосокъ разносился по всему дому; она разсказывала всѣ свои школьныя новости, разспрашивала о деревенскихъ знакомыхъ, не забыла даже про Анурку и очень огорчилась, когда узнала, что онъ отморозилъ себѣ ноги и лежитъ въ земской больницѣ. Потомъ Святки прошли, она снова уѣхала въ городъ, и о. Афанасій остался одинъ, высчитывалъ дни и часы, которые отдѣляли его отъ будущихъ каникулъ.

Время шло, Липочка росла, умнѣла и хорошѣла; о.

Афанасій старѣлъ и оживлялся только тогда, когда наступали каникулы. Настоящій праздникъ былъ у него лѣтомъ: Липочка привозила изъ города множество разныхъ новостей, кучу интересныхъ книжекъ, которыя показывала отцу и читала ему вслухъ въ свободные часы. О. Афанасій пріободрялся, извлекалъ изъ своей памяти обрывки выдохшейся семинарской философіи и вступалъ съ дочерью въ споры, изъ которыхъ всегда выходилъ побѣжденнымъ, хотя и не сознавался въ этомъ. Чтобы не отстать отъ дочери, онъ потихоньку отъ нея рылся въ старыхъ ученическихъ тетрадкахъ, валявшихся на чердакѣ, и иногда съ торжествомъ озадачивалъ Липочку какимъ-нибудь мудренымъ вопросомъ. Такъ какъ она по большей части не умѣла отвѣчать на эти вопросы, то о. Афанасій самодовольно хохоталъ и говорилъ: „А что, братъ, вотъ тебѣ и старый попъ! Ужъ не вовсе дураками мы тутъ въ деревнѣ то живемъ, съ академиками вашими поспорить можемъ!“ И Липочка тоже смѣялась, хотя про себя почему то думала: „Бѣдный папаша“!... Она еще не сознавала хорошенько, но уже чувствовала, что скоро между нею и отцомъ разверзнется громадная пропасть и раздѣлитъ ихъ навсегда...

По вечерамъ, когда огненный закатъ золотымъ дождемъ сыпался на затихшія нивы и когда синія сумерки тихонько ткали свою таинственную паутину во всѣхъ углахъ поповскаго домика, отецъ съ дочерью садились подъ окномъ и стройно пѣли вдвоемъ разные духовные стихи и сантиментальные романсы. И сосѣди, прислушиваясь къ этимъ красивымъ, тягучимъ напѣвамъ, говорили между собою: „Нашъ попъ съ своею поповной поетъ. Ишь Липочка, то, такъ и заливается!...“

А нѣжный дѣвичій голосокъ все звенѣлъ и дрожалъ въ голубой тишинѣ лѣтней ночи, и измученныя мужицкія души смягчались и начинали тихо тосковать о какой то лучшей долѣ, которой онѣ никогда не знали...

Однажды Липочка вмѣстѣ съ другими книжками привезла изъ города кучу маленькихъ листовокъ и съ озабоченнымъ видомъ сказала отцу.

— Отчего бы намъ, папаша, не устроить въ Котовановѣ народныхъ чтеній? Вотъ мы сколько живемъ-живемъ здѣсь, а ничего для мужиковъ не дѣлаемъ! Теперь вездѣ устраиваютъ народныя чтенія,—и въ городѣ, и въ дерев-

няхъ, читаютъ разныя книжки, показываютъ волшебный фонарь, а у насъ нѣтъ ничего.

О. Афанасій обезпокоился.

— Вотъ еще, какія-такія народныя чтенія? Не къ чему это, да и не наше дѣло! возразилъ онъ.

— Какъ же не наше? сказала Липочка. Для чего же мы учимся? Мужики все для насъ дѣлаютъ,—и работаютъ, и пашутъ и сѣютъ, — должны же и мы имъ за это чѣмъ нибудь отплатить?

— То есть какъ это отплатить? спросилъ отецъ Афанасій.

— А вотъ, учить ихъ, книжки имъ давать, помогать, чѣмъ можно.

— Ерунда какая то! сказалъ отецъ Афанасій. Зачѣмъ помогать, зачѣмъ учить? Для этого учителя есть, школы есть, а наше дѣло здѣсь сторона. И какъ это такъ мы ничего не дѣлаемъ? Слава Богу, я двадцать лѣтъ священнослужительствую, завѣдую паствой своей изрядно, награду имѣю, значитъ, чѣмъ нибудь да заслужилъ! Какъ же ничего не дѣлаю? Мужикъ свое дѣло дѣлаетъ, я—свое. Онъ пашетъ, я церковную службу справляю. У каждаго свое дѣло, и никто никому не обязанъ.

Липочка слушала и нетерпѣливо кусала губы.

— Все это не то, папаша! сказала она, когда отецъ кончилъ. Вы говорите, — каждому свое дѣло, а почему же это одни должны больше работать, а другіе—меньше? Вѣдь мужики все-таки больше всѣхъ работаютъ, а хуже всѣхъ живутъ. Вы вотъ кончите свою службу и отдыхаете, а мужикъ цѣлый день работаетъ и все таки живетъ впроголодь. У насъ и домъ хорошій, и комнаты свѣтлыя, и ѣдимъ мы хорошо, а мужикъ придетъ къ себѣ въ избу—тамъ и телята и овцы, и дымъ, и чадъ... Про ѣду и говорить нечего, — сами знаете, папаша, чѣмъ они кормятся. Даже больнымъ не на что бѣлаго хлѣба купить. И ничего то, ничего то, они не знаютъ, а мы вотъ и знаемъ, а помочь имъ не хотимъ... На что тогда и ученье? Вы вотъ меня въ училище отдали, а Степанидина Фроська, съ которой мы, маленькія, вмѣстѣ играли,—даже грамотѣ не знаетъ. А чѣмъ она хуже меня? Мнѣ на нее даже глядѣть стыдно, папаша... будто я ее обокрала...

Липочка вся раскраснѣлась, губы ея дрожали и, когда она кончила говорить, на большихъ глазахъ ея свѣтились слезы.

Отецъ Афанасій растерянно поглядѣлъ на дочь и подошелъ къ ней ближе.

— Липочка, Липочка, да откуда ты эдакихъ идей набралась? зашепталъ онъ съ испугомъ. Ты какихъ-нибудь книжонокъ запрещенныхъ не начиталась ли, а? Вѣдь это, братецъ ты мой, соціализмъ, чистѣйшій соціализмъ, ей богу! Говори скорѣй, показывай, что у тебя тамъ въ чемоданѣ то припрятано? Можетъ, „Народная Воля“ какая нибудь? Такъ давай ее сюда сейчасъ, вотъ я ее, проклятую, въ печкѣ сожгу...

Липочка засмѣялась сквозь слезы.

— Какая „Народная Воля“, папаша, какой соціализмъ ничего у меня нѣту... Ахъ, папаша, и безъ запрещенныхъ книжекъ все видно!...

Однако, не смотря, на ея увѣренія, что ничего запрещеннаго у нея нѣтъ, о. Афанасій не повѣрилъ и, улучивъ минутку, когда дочери не было дома, какъ тать въ нощи, прокрался въ ея комнатку, заперся на ключъ и перерылъ вверхъ дномъ все ея имущество. Но ничего запрещеннаго онъ не нашелъ и весь красный, запыхавшійся, стыдясь самого себя, вышелъ изъ комнаты. „Господи, Господи!“ шепталъ онъ, крестясь передъ образомъ. „Вотъ до чего дожилъ, родной дочери не вѣрю... Прости ты меня, Господи,— что же мнѣ дѣлать, жалко мнѣ ее... Сохрани Ты ее и помилуй,—вѣдь одна она у меня, одна... И откуда она этого соціализму набралась, если не изъ книжекъ? Въ воздухѣ, что ли онъ летаетъ, демонъ проклятый?“...

Неизвѣстно, замѣтила ли Липочка, что отецъ рылся у нея въ комнатѣ, но она вдругъ стала съ нимъ сдержаннѣе, ничего не разсказывала о своихъ планахъ, какъ бывалс прежде, и даже оставаться съ нимъ наединѣ избѣгала. Схватитъ книжонку какую нибудь и убѣжитъ куда то, или уйдетъ къ учительницѣ въ школу и сидитъ тамъ цѣлый день. Потомъ стала зазывать къ себѣ ребятишекъ, учила ихъ читать или разсказывала что-нибудь. О. Афанасій вздыхалъ и наблюдалъ исподтишка. Замѣтилъ онъ, что въ церковь она стала ходить рѣдко, замѣтилъ, что книжки мужикамъ раздавала, и родительское сердце его ныло и болѣло отъ предчувствія какой то неминуемой бѣды.

Лѣто прошло благополучно, и Липочка уѣхала доканчивать курсъ. Когда она пріѣхала на Рождество, о. Афанасій встрѣтилъ ее съ какимъ то торжественно-таинствен-

нымъ видомъ и, послѣ первыхъ привѣтствій, лукаво подмигивая ей, сказалъ:

— А знаешь, Липочка, какой я тебѣ сюрпризъ приготовилъ?

Липочка глядѣла на него съ удивленіемъ, ничего не понимая. Тогда о. Афанасій на цыпочкахъ подошелъ къ ея комнатѣ, отворилъ дверь и, отступивъ на два шага, залился беззвучнымъ смѣхомъ. На Липочкиномъ столѣ стоялъ волшебный фонарь со всѣми приспособленіями и лежала куча картинъ и книжекъ. Липочка радостно захлопала въ ладоши и бросилась обнимать отца.

— Ну что, каковъ у тебя батька то? говорилъ о. Афанасій, потирая руки. Вотъ тебѣ и попъ! Погляди-ка, какія мы чтенія то устроимъ! Загремимъ на всю губернію! Я ужъ и разрѣшеніе получилъ. Вотъ на святкахъ и закатимъ.

Липочка съ интересомъ перебирала книжки и картинки. Онѣ были все больше духовно-нравственнаго содержанія, но это ее не смущало. Главное, разрѣшеніе было получено, волшебный фонарь есть, а тамъ ужъ она сама выберетъ, что читать.

На святкахъ они устроили чтенія въ школѣ. Читала учительница, а Липочка помогала. Она увлекалась чтеніями страшно, сама мочила простыни, сама наблюдала за порядкомъ. Народу собралось чуть не со всего села: ломились въ двери, лѣзли въ окна и даже выдавили стекло. О. Афанасій негодовалъ и сталъ даже потрухивать.

— Охъ, смотри, какъ бы намъ съ тобой за это не дали по шапкѣ! Дойдетъ до владыки, что у насъ въ школѣ эдакое безчинство, — насыплетъ онъ намъ орѣховъ. Вотъ ты говоришь,—народъ-народъ, мужички-мужички, надо имъ просвѣщенье, и то, и се — а вотъ они, мужички то твои! лѣзутъ, орутъ, точно въ кабакѣ... Ни къ чему все это ты затѣяла!

— Подождите, папаша, говорила Липочка.

И, дѣйствительно, когда послѣ третьяго чтенія мужики вдругъ привалили гурьбой къ о. Афанасію благодарить его и дочку за „науку и удовольствіе“ и въ заключеніе просили, нельзя ли и въ посту такую штуку устроить, о. Афанасій опять расцвѣлъ и успокоился.

— А, вѣдь, и вправду никакъ дѣло то на ладъ пошло! сказалъ онъ. Что жъ это, и въ самомъ дѣлѣ, все кабакъ

да кабакъ, — будто уже кромѣ кабака мужику и не нужно ничего! Нѣтъ, это ты хорошо выдумала, Липочка! Велики ли деньги 50 рублей, а и намъ удовольствіе, и мужикамъ польза! Надо и объ этомъ подумать, — не все имъ дураками сидѣть!

— Я вѣдь вамъ говорила, папаша! сказала сіяющая Липочка.

Вскорѣ она уѣхала изъ Котовалова, но не прошло еще и мѣсяца съ ея отъѣзда, какъ вдругъ въ одинъ пасмурный февральскій день къ ней нежданно-негаданно явился. о. Афанасій и, испросивъ разрѣшенія у начальницы общежитія, увезъ ее къ себѣ въ номеръ. Онъ имѣлъ испуганный видъ и всю дорогу до гостиницы ничего не хотѣлъ отвѣчать на ея нетерпѣливые вопросы.

— Да что такое случилось, папаша? сказала Липочка, когда они, наконецъ, очутились въ номерѣ.

О. Афанасій прежде, чѣмъ отвѣтить, тщательно заперъ дверь, посмотрѣлъ во всѣ углы и затѣмъ уже обратился къ дочери.

— Ну, Липочка, бѣда! началъ онъ шепотомъ, озираясь по сторонамъ. Вотъ тебѣ и чтенія! Вѣдь меня изъ-за этого и въ городъ вызвали!

— Какъ вызвали?

— Самъ владыко! Ты что это, говоритъ, тамъ народъ мутишь, старый хрѣнъ? Твоя, говоритъ, священная обязанность охранять государственный порядокъ и благочиніе, а ты бунты, говоритъ, заводишь? Господи, говорю, да какіе же, ваше преосвященство, бунты? Знаю, говоритъ, все знаю, не отрекайся! На тебя доносъ есть. Въ школѣ народъ собираешь, зрѣлища богомерзкія устраиваешь, смущеніе въ умахъ производишь... Владыко! говорю,—да вы же сами мнѣ религіозно-нравственныя чтенія разрѣшили! Мало ли, говоритъ, что! Читай въ церкви, а не на площади, учи паству съ амвона, какъ подобаетъ сану твоему, а фонари эти всѣ волшебные брось, чтобы я объ нихъ больше не слыхалъ... Погрозилъ мнѣ пальцемъ и отпустилъ. Вотъ какія дѣла то, Липочка!

Липочка сидѣла вся поблѣднѣвшая, насупленная и молчала. А о. Афанасій продолжалъ съ волненіемъ:

— Да, Липочка, попалъ я на старости лѣтъ въ неблагонадежные! То-то, гляжу, чего это становой все по селу шныритъ? То, бывало, и глазъ не кажетъ, — развѣ когда

недоимку съ мужиковъ пріѣдетъ взыскивать,—а то вдругъ такъ и верещитъ подъ окнами: дзынь! дзынь! дзынь! Анъ вотъ оно что вышло! Смущеніе, говоритъ, въ умахъ производишь! Какое-такое смущеніе, Боже ты мой? Ничего не знаю...

— Да что же это такое? проговорила, наконецъ, Липочка. Да вѣдь эдакъ жить нельзя, папаша! Какія же мы книжки читали? Самыя дозволенныя! Неужели же скоро будетъ нельзя корку хлѣба подать нищему безъ разрѣшенія начальства?

О. Афанасій замахалъ на нее руками.

— Ну-ну-ну, Липочка, молчи, голубчикъ, лучше... Какъ такъ жить нельзя,—можно! Живи только тихонько да смирненько, не трогай никого, и тебя никто не тронетъ!..

— Не хочу я такъ жить! крикнула Липочка съ гнѣвомъ. Не хочу, не могу и не буду!.. Это не жизнь, а тюрьма какая то!.. Возмутительно!.. Народъ нищій, голодный, безграмотный,—и не смѣй ему книжку дать, не смѣй съ нимъ говорить по-человѣчески, не смѣй ему разсказать, что всѣ его обманываютъ, грабятъ, бьютъ, насильничаютъ надъ нимъ... Проклятые, проклятые!..

И Липочка разрыдалась на весь номеръ. О. Афанасій перепугался, побѣжалъ за водой и насилу отпоилъ ее и успокоилъ. Возвратилась она въ общежитіе, молчаливая, задумчивая, съ заплаканными глазами, такъ что Ежевика посмотрѣла на нее подозрительно и сладкимъ голосомъ спросила:

— Что это, милочка, у васъ дома несчастье какое-нибудь случилось?

— Нѣтъ, ничего, неохотно отвѣчала Липочка.

Ежевика покачала головой, почесала свою бородавку и ушла. Давно уже она стала замѣчать, что у Липочки испортился характеръ, и изъ веселой, послушной и откровенной дѣвочки она превратилась въ скрытную, раздражительную и недовѣрчивую. Перемѣну эту Ежевика приписывала вліянію молодого учителя исторіи, сестра котораго тоже училась въ епархіальномъ училищѣ и постоянно таскала въ классъ какія то таинственныя тетрадки, записочки, а однажды притащила даже прокламацію. Прокламація въ стѣнахъ закрытаго женскаго учебнаго заведенія, да еще духовнаго!.. Это было что-то невѣроятно-ужасное...

Ежевику чуть не хватилъ ударъ, прокламацію отобрали и торжественно сожгли, а виновницу хотѣли исключить, но вмѣшался въ дѣло архіерей и, во избѣжаніе непріятной огласки, дѣло замяли. Только Ежевика удвоила свою бдительность и чуть не каждый день производила рекогносцировки въ классахъ и спальняхъ ученицъ, обшаривая пюпитры, лазя подъ подушками и выворачивая карманы у наиболѣе подозрительныхъ дѣвицъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ неожиданнаго визита о. Афанасія, Липочка получила отъ него письмо слѣдующаго содержанія: „Ну, Липочка, дѣло наше разъяснилось— вышла вонъ какая штука-то! Доносъ написалъ благовѣщенскій попишка, Евстратій: давно ужъ онъ на мой приходъ зарится, вотъ и подложилъ свинью. Да не выгорѣло его дѣло, не удалось сковырнуть. Вчера былъ у меня становой, пили чай и водочку, и вотъ онъ мнѣ все разсказалъ. Попросилъ книжки показать, какія мы читали, смотрѣлъ и такъ, и эдакъ, и сзади, и спереди и ничего возмутительнаго не нашелъ. Письма твои всѣ перечиталъ и похвалилъ, что слогъ у тебя очень хорошій. А затѣмъ и говоритъ: чтенія можете продолжать, только предварительно сообщите мнѣ, что будете читать, да еще чтобы ваша дочка никакихъ разъясненій отъ себя не дѣлала, когда картинки показывать будетъ. — Такъ то, Липочка, наша взяла, и свѣтъ правды возсіялъ. Кричи, Липочка, ура!..“

Но Липочка кричать „ура“ не стала и, прочитавъ это письмо, только грустно и немножко презрительно улыбнулась. Теперь чтенія эти нисколько ее не интересовали,— какія ужъ это чтенія, когда становой будетъ просматривать каждую книжку, а слушателямъ нельзя будетъ даже разъяснить, что изображено на картинкѣ!.. И притомъ на умѣ у Липочки было другое. Въ это время въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Харьковѣ, въ Кіевѣ происходили студенческіе безпорядки, и смутные слухи о нихъ проникли даже въ стѣны епархіальнаго училища, волнуя молодыя сердца. Разсказывали, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были громадныя сходки молодежи, недовольной правительственнымъ гнетомъ, и что толпы полицейскихъ и казаковъ врывались въ зданіе университета и плетями гнали студентовъ на улицу. Говорили о страшныхъ избіеніяхъ, о раненыхъ, даже убитыхъ, изъ которыхъ было много жен-

щинъ... Сообщали потихоньку, что въ городъ привезли съ жандармами нѣсколько студентовъ и курсистокъ, и кто-то видѣлъ даже, что у одного студента была обвязана голова. Епархіалки жадно ловили эти слухи, и души ихъ наполнялись жгучимъ негодованіемъ противъ жестокаго правительства и горячимъ сочувствіемъ къ юнымъ героямъ, которые, несмотря на свою молодость, шли на борьбу съ страшнымъ врагомъ, не жалѣя своей жизни и своей будущности, между тѣмъ какъ ихъ трусливые родители дрожали въ рабскомъ страхѣ и не осмѣливались открыто выступить на защиту своихъ, изсѣченныхъ казацкими плетями, дѣтей. Липочка и ея подруга, сестра учителя исторіи, даже по ночамъ не спали, взволнованныя этими событіями, а если и засыпали, то имъ снились толпы народа, надъ которыми развѣвались красныя знамена, слышались звуки грозной Марсельезы, ревъ и дикій топотъ казацкихъ лошадей, свистъ нагаекъ, шумъ кровавой бойни...

— Боже мой, Боже мой! шептала Липочка, просыпаясь, вся дрожащая, въ холодномъ поту... Что же дѣлать, что дѣлать, — развѣ можно такъ жить? Лучше умереть тамъ, вмѣстѣ съ ними, но не жить такъ, какъ мы всѣ живемъ. Это не жизнь, а позоръ!.. Стыдно такъ жить...

Однако, несмотря на всѣ эти волненія, Липочка сдала свои экзамены благополучно, получила даже награду и вернулась въ Котовалово. О. Афанасій былъ очень радъ, что она хорошо кончила курсъ, но перепугался, увидѣвъ ее похудѣвшею и поблѣднѣвшею.

— Что это съ тобой, Липочка? разспрашивалъ онъ, суетясь вокругъ нея. Ты сама на себя не похожа!.. Гдѣ твои ямочки? Гдѣ твои полненькія щечки? Все экзамены проклятые съѣли... Ну вотъ подожди, поживешь у меня, отдохнешь, откормишься,—заживемъ мы съ тобою. Чтенія опять заведемъ!..

Липочка молчала. Ей не хотѣлось пока разочаровывать отца, но она уже твердо рѣшила ѣхать въ Петербургъ и ждала только удобной минуты, чтобы сообщить о. Афанасію.

Минута эта наступила. Однажды о. Афанасій вернулся откуда то веселый, немножко подъ хмѣлькомъ и, по обыкновенію, подсѣвъ къ Липочкѣ сказалъ:

— Ну, Липочка, а я тебѣ и дѣло нашелъ. Былъ я у земскаго начальника, а онъ мнѣ и говоритъ: „Наслышаны

мы, что у васъ дочка курсъ окончила и чрезвычайно даже отмѣнно. Ну съ, такъ вотъ, нужно бы мнѣ дѣвочку свою въ гимназію подготовить,—не возьмется ли ваша дочка? За вознагражденіемъ я не постою, каждый день за ней лошадей своихъ буду присылать."—Съ великимъ удовольствіемъ, говорю. Что, Липочка, каково?

Липочка поблѣднѣла и тяжело перевела духъ, какъ будто ей трудно было дышать.

— Я, папочка, здѣсь не останусь, сказала она, наконецъ.

О. Афанасій отшатнулся отъ нея, и веселая улыбка исчезла съ его губъ.

— То есть, какъ же это? спросилъ онъ.

— Я хочу въ Петербургъ ѣхать, папаша. На курсы поступлю.

О. Афанасій всталъ и прошелся по комнатѣ, растерянно потирая лобъ. Потомъ онъ остановился передъ ней съ потемнѣвшимъ лицомъ, съ нехорошею усмѣшкой, исказившей его добродушную физіономію.

— А деньги откуда возьмешь? спросилъ онъ.

— Деньги вы дадите, папаша. А не дадите, я и безъ денегъ уйду.

— Безъ денегъ? Такъ съ!.. А тамъ въ Питерѣ то, что же дѣлать будешь? По Невскому шляться? Или съ студентами распутничать?

Онъ вдругъ дико расхохотался, потомъ смѣхъ его перешелъ въ плачъ, и онъ вышелъ изъ комнаты, крѣпко хлопнувъ дверью. Липочка осталась одна, блѣдная, хакъ мертвецъ, съ окаменѣвшимъ лицомъ.

Въ этотъ вечеръ о. Афанасій въ первый разъ при дочери напился мертвецки пьянъ, и слышно было, какъ онъ бурлилъ у себя въ комнатѣ, стучалъ кулакомъ по столу, билъ посуду и то принимался рыдать, то кричалъ на весь домъ: „Ага... вотъ оно какъ теперь!.. Дѣти умнѣе отцовъ стали... превосходно! отлично! Я ее кормилъ-поилъ, на своихъ рукахъ нянчилъ... Самъ рожочекъ ей давалъ... пеленочки перемѣнялъ... (Тутъ слышались рыданія). А она... Липочка... тварь бездушная она, а не дочь мнѣ! Не дочь! Иди... таскайся!... Дрянь!"

Такъ продолжалось всю ночь и весь слѣдующій день, а Липочка, чтобы не слышать пьяныхъ криковъ отца, убѣгала изъ дому, пряталась по огородамъ и избѣгала даже встрѣчаться съ своими деревенскими пріятелями.

Но черезъ нѣсколько дней о. Аѳанасій вышелъ изъ своей комнаты совершенно трезвый, хотя осунувшійся, постарѣвшій на много лѣтъ, и, повидимому, совершенно спокойно сказалъ, избѣгая смотрѣть на дочь.

— Въ Петербургъ хочешь ѣхать? Поѣзжай. Денегъ я тебѣ дамъ.

Липочка не выдержала, заплакала и бросилась къ отцу. Но онъ отстранилъ ее отъ себя и нетвердымъ голосомъ произнесъ:

— Ну-ну-ну... не надо! Знаю... все знаю! Поѣзжай, учись... Что же дѣлать, время ужъ такое... Иди, иди на погиб...

Онъ не договорилъ и поспѣшно ушелъ въ свою комнату.

Время до Липочкина отъѣзда прошло какъ-то странно. Все какъ будто шло попрежнему, и въ то же время что то оборвалось между отцомъ и дочерью. О. Аѳанасій былъ сдержанъ и не заговаривалъ о Петербургѣ; Липочка была молчалива и грустна, цѣлые дни проводила у себя въ комнатѣ, читала и писала письма.—Но наканунѣ отъѣзда о. Аѳанасій прорвался. Онъ опять гдѣ-то подвыпилъ и пьяненькій вошелъ въ комнату дочери.

— Ну, Липочка... прощай, братъ! заговорилъ онъ, запинаясь. Пр-рощай... Я, вѣдь, знаю, что ты не вернешься...

— Что вы, папаша, какъ не вернусь? сказала Липочка, стараясь казаться веселой, хотя сердце у нея больно сжалось. Весной же и пріѣду!

— Н-не пріѣдешь... я знаю! продолжалъ о. Аѳанасій. Ты у меня хорошая, добрая... Ну, такъ, значитъ, тому дѣлу и быть! Не даромъ бабка-то старая пророчила... Ахъ, Липочка, Липочка, куда ты идешь, и сама не знаешь!... вскрикнулъ онъ вдругъ и съ рыданьями, обнявъ Липочкину голову обѣими руками, сталъ ее цѣловать.

На другой день Липочку пришли провожать всѣ знакомые и сосѣди,—кто принесъ пышекъ на дорогу, кто—шерстяные чулки въ подарокъ. Всѣ знали, что она далеко ѣдетъ и вернется не скоро. Притащилась и бабка-Афимья, которая отъ старости почти совсѣмъ въ землю вросла, и сердито шамкала, глядя на Липочку своими гноящимися, полуслѣпыми глазами: „И куда ѣдешь, и зачѣмъ ѣдешь бо-знать куда? Жила бы съ нами, я бы тебѣ женишка хо-

рошаго нашла. Ишь, вѣдь, не сидится ей около папаши"...

Липочка улыбалась сквозь слезы и ничего не говорила ей въ отвѣтъ.

Когда Липочка пріѣхала въ Петербургъ и вышла со своимъ чемоданчикомъ на подъѣздъ Николаевскаго вокзала, у нея даже духъ захватило отъ всего этого движенія, стука, грохота и блеска, наполнявшаго Невскій проспектъ. Точно бурное море волновалось вокругъ нея, и что то зловѣщее, угрожающее чудилось ей въ его могучемъ рокотѣ. Только черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, нанявъ извощика, вмѣстѣ съ тощимъ чемоданчикомъ своимъ, исчезла въ этомъ грохочущемъ потокѣ людей и экипажей.

Ее приняли на акушерскіе курсы, и она поселилась на Гончарной улицѣ, на шестомъ этажѣ, въ крошечной комнаткѣ окнами на дворъ. Съ одной стороны у нея жили тоже слушательницы Надеждинскихъ курсовъ—втроемъ въ одной комнатѣ,—а съ другой ютилась какая-то работница съ ниточной фабрики. У нея была не комната, а что то въ родѣ угла, отгороженнаго занавѣской, рядомъ съ ватерклозетомъ. Липочка скоро со всѣми своими сосѣдками перезнакомилась и подружилась, но особенно ее заинтересовала работница. Это была высокая плотная дѣвица съ красивымъ, скуластымъ лицомъ и острыми, маленькими глазками, глядѣвшими всегда исподлобья. Говорила она грубымъ, почти мужскимъ голосомъ, манеры имѣла рѣзкія, размашистыя и была дерзка на языкъ. Хозяйка, крикливая бабенка, бывшая кухарка, но считавшая себя теперь „дамой", называла ее „Анюткой" и часто съ нею ругалась. Но Анютка въ обиду себя не давала и такъ отпечатывала иногда хозяйку, что та ничего лучшаго не могла придумать, какъ пуститься въ слезы и причитать на весь домъ сколь много она, благородная дама, терпитъ отъ подлой деревенской волохи. Поминался какой-то генералъ Барабановъ, у котораго она нѣкогда служила „за повара", призывалось имя какой-то баронессы фонъ-Бонъ, которая будто бы приходилась сродни самому градоначальнику. но Анютку не смущали ни генералъ Барабановъ, ни баронесса фонъ-Бонъ, и съ дерзкимъ хохотомъ она кричала хозяйкѣ изъ своего темнаго, зловоннаго угла.

— А плевать мнѣ на твоего генерала, плевать на твою баронессу!... Ступай, холопья твоя душа, подлизывать у

нихъ тарелки, а я ихъ не боюсь! Подожди, скоро на нашей улицѣ будетъ праздникъ, и всѣ твои бароны и съ самимъ градоначальникомъ ко всѣмъ дьяволамъ полетятъ!

Съ первой встрѣчи въ темномъ корридорѣ Анютка почему то вдругъ влюбилась въ Липочку и въ одно изъ воскресеній сама явилась къ ней въ комнату попросить „книжечки почитать". Такъ завязалось ихъ знакомство. Каждый праздникъ, когда работы на фабрикѣ не было, Анютка приходила къ Липочкѣ, садилась передъ нею, а иногда становилась на колѣни, и восторженнымъ взглядомъ смотрѣла ей въ лицо.

— Глазки то какіе! А волосики то,—въ какомъ то молитвенномъ восторгѣ шептала она. А ручки то, пальчики то,—у, душоночки вы мои!...

И она начинала страстно цѣловать Липочкины руки.

— Ну что это вы, Анюта! конфузливо говорила Липочка.

Но въ отвѣтъ на это, Анюта кидалась на нее, какъ бѣшеная, и душила ее въ своихъ богатырскихъ объятіяхъ. Липочку сначала пугали эти дикіе порывы, и ее часто коробило отъ нѣкоторыхъ грубыхъ и циничныхъ выраженій Анюты, но скоро она къ нимъ привыкла и сама полюбила Анюту. Она скоро поняла, какая безконечно-добрая и благородная душа скрывалась подъ корявой и грубой оболочкой молодой работницы. Узнала Липочка, что Анюта, живя сама въ темномъ углу и щеголяя всегда въ одномъ и томъ же платьишкѣ, изношенномъ и обтрепанномъ, въ то же время всѣ заработанныя деньжонки раздавала товаркамъ, которыя были побѣднѣе и имѣли семью. Затѣмъ, зная, что сосѣдки-курсистки страшно нуждаются и часто голодаютъ, Анюта каждую субботу покупала имъ какого-нибудь съѣстного,—колбасы, ситника или печенки и совала подъ дверь со словами: „Пущай пожрутъ,—небось отощали, сердечныя!"

И когда Липочка застала ее однажды за этимъ занятіемъ, Анюта хитро подмигнула ей и шепнула: „Не сказывайте, а то еще, чего добраго, осерчаютъ и жрать не станутъ„...

— Жалко мнѣ ихъ! говорила она послѣ Липочкѣ. Вѣдь подумаешь, откуда приперли,—ни деньжонокъ, ни платьишка, въ одной комнатишкѣ трое жмутся, а учатся! Подумаешь, жили бы себѣ при родителяхъ—и горя мало, а вотъ нѣтъ, ѣдутъ! И все для нашего брата стараются...

— Какъ для „вашего брата“? спросила Липочка.

— А то какъ же,—для кого же онѣ учатся то? Все для мужиковъ же. Поѣдутъ опять въ деревню, будутъ учить, лѣчить,—я вѣдь это хорошо тоже понимаю. Да тепереча и изъ нашего брата — мужиковъ тоже много такихъ есть. Вотъ эта черненькая то, что къ нимъ часто въ гости ходитъ,—тоже крестьянская дочь. Ейный отецъ и по-сейчасъ землю пашетъ,—она сама мнѣ сказывала.

И, войдя вдругъ въ экстазъ, она бросалась на Липочку, тискала ее и трясла за плечи и восклицала:

— Эхъ, люблю я студентовъ! Наши они, за насъ стоятъ,—молодцы-ребята! Въ прошлую весну сколько ихъ въ Сибирь погнали, а все почему,—наши фабричные черти не поддержали. Ухъ, и зла я на нихъ, — своей пользы, дураки, не понимаютъ! Такъ и пропало наше дѣло...

Она была грамотная, ходила въ воскресную школу и любила читать, но читала все, что попадалось подъ руку, безъ всякаго разбора. Липочка начала читать съ ней вмѣстѣ, учила ее грамматикѣ и задавала писать сочиненія.

Нужно было видѣть сіяющую физіономію Анюты, когда она въ первый разъ подала Липочкѣ тетрадку подъ заглавіемъ: „Горькая жисть и описаніе фабричной дѣвки, Анны Ермолаевой“.

— Ну что? спросила она, когда Липочка прочла тетрадку.

— Ничего, хорошо, только ошибокъ много, сказала Липочка.

— Ладно, въ другой разъ меньше будетъ. Не все тебѣ сразу...

Разъ она пришла съ работы какая-то разстроенная и, бурно ворвавшись къ Липочкѣ въ комнату, безпокойно оглядѣлась по угламъ.

— Что у тебя нынче никого не было? (Онѣ уже были на ты).

— Никого, а что?

— Знаешь, на Острову двухъ студентокъ забрали да студентовъ сколько то, шепотомъ сказала Анюта. Я чуть съ работы не убѣгла, — думаю, ну какъ и мою тоже схапали?

Она съ нѣжностью схватила Липочку за руки, посадила ее рядомъ съ собой на кровать и, не сводя съ нея влюбленнаго взгляда, продолжала.

— Сдохну я, Липка, ежели тебя заберутъ! Жалко мнѣ тебя,—хорошенькая ты, бѣленькая, нѣжненькая,—слопаютъ тебя жандармы! Подлецы они всѣ! Ну пускай меня заберутъ, — я таковская! Начнутъ допрашивать, — не побоюсь! А ты попадешься, измытарятъ они тебя...

— Да вѣдь еще не взяли, смѣясь, сказала Липочка.

— Нынче не взяли,—завтра возьмутъ. А ты вотъ что, Липочка, ты, ежели у тебя что есть запрещенное, ты мнѣ подъ сохранъ давай. Я ужъ не выдамъ. Оно точно, изъ нашей сестры всякія дуры есть: вотъ въ прошломъ году двухъ взяли, такъ онѣ въ охранкѣ бо-знать чего наболтали. Ну, а я не таковская; я себѣ языкъ отгрызу,—не скажу ничего. А лучше всего, Липочка, не мѣшайся ты въ эти дѣла,—и безъ тебя много народу есть!

— То есть, это какъ же,—другіе пусть пропадаютъ, а я буду въ сторонкѣ сидѣть да дожидаться? Нѣтъ, Анюта, это нехорошо: ужъ пропадать, такъ всѣмъ вмѣстѣ. А то эдакъ, пожалуй, и всѣ скажутъ: „Пускай другіе работаютъ, а я посижу, да подожду". Кто же тогда дѣло то дѣлать будетъ?

Анюта вздохнула.

— Эхъ, Липочка, да ужъ больно люблю я тебя! Да и всѣхъ васъ люблю, — хорошіе вы всѣ, за рабочій народъ стоите... Никакъ не пойму я, за что вы насъ возлюбили? Грязные мы, темные, невѣжи, и любить то насъ не за что, а вотъ поди жъ ты, сколько вы за насъ терпите... Чистенькіе, хорошенькіе, богатыхъ родителей дѣтки, — идутъ въ Сибирь, мучаются... почему такое?

— А вотъ потому, Анюта, что стыдно имъ передъ вами. Они то чистенькіе, богатенькіе, и все у нихъ есть, а вы— грязные, бѣдные, и ничего у васъ нѣтъ. А отчего у васъ нѣтъ? Развѣ вы работаете мало? Да вы больше насъ работаете, только богатые у васъ все отбираютъ и на вашъ же счетъ живутъ. Вотъ молодежи то нашей и стыдно стало. Поняли они, что васъ обижаютъ, притѣсняютъ и обираютъ, и рѣшили отъ всего отказаться и пойти вашей братіи помогать. А богачамъ это не нравится, вотъ они и сажаютъ насъ въ тюрьмы. Боятся они, какъ бы ихъ царству конецъ не пришелъ. А онъ придетъ, Анюта, скоро придетъ, оптому что и ваша братія—рабочій народъ тоже

начинаетъ понимать, что ихъ обижаютъ. Тоже вѣдь и имъ хочется пожить по-человѣчески, въ теплѣ и чистотѣ!

Анюта слушала Липочку съ напряженнымъ вниманіемъ и вдругъ спросила ее, понизивъ голосъ:

— А про Соню Перовскую ты слыхала?

Липочка кивнула головой.

— Эхъ, вотъ тоже хорошая то была!... съ восторгомъ зашептала Анюта. Сенаторская дочь, а тоже за нашу братію пропала. Повѣсили ее... Молодецъ, ничего не побоялась... Кажется, если бы она жива была, я бы ей всѣ ножки расцѣловала! Знаешь что, Липочка, я думаю, она на тебя похожа была...

— Ну вотъ еще, сравнила! Далеко кулику до Петрова дня.

— А все-таки, ежели жандармы брать тебя придутъ, я имъ всѣхъ расширяю! Хоть одному дьяволу глотку перегрызу! угрожающе добавила она и погрозила кулакомъ въ уголъ, какъ-будто тамъ сидѣлъ воображаемый жандармъ.

Время шло незамѣтно. Липочка усердно посѣщала курсы, лекціи, собранія, перезнакомилась съ студенческими кружками и совершенно втянулась въ петербургскую жизнь. О. Афанасію она писала часто, но онъ отвѣчалъ ей рѣдко и мало, причемъ она замѣчала, что почеркъ его становился все неразборчивѣе и неразборчивѣе. Передъ Рождествомъ пріѣхала въ Петербургъ ея подруга по училищу, сестра учителя исторіи, Маша Рождественская, и разсказала ей, что она поступила было въ сельскія учительницы, но была заподозрѣна въ неблагонадежности и получила отказъ отъ мѣста. Липочка была ей очень рада, и онѣ поселились вмѣстѣ, что вызвало бурные взрывы ревности со стороны Анюты. Но потомъ все уладилось. Анюта раскаялась и также бурно просила прощенія у обѣихъ, колотя себя въ грудь и восклицая: „Дура я, подлая, скверная дѣвка, больше ничего! Плюнь, Липочка, мнѣ въ морду, ей богу, плюнь, больше ничего я не стою!..“ И такъ какъ никто не хотѣлъ плевать ей въ морду, то она подходила къ зеркалу и сама себѣ показывала кулаки со словами: „У, рыло эдакое! Глядѣть тошно на тебя, образину, а туда же хочетъ, чтобы ее обожали...“ Липочка съ Машей хохотали до слезъ, а глядя на нихъ, смѣялась и Анюта. Скоро она подружилась и съ Машей, и у нихъ образо-

вался тѣснѣйшій „тройственный союзъ", какъ шутя прозвали ихъ товарищи-студенты.

Наступило Рождество, и хотя въ Петербургѣ было не спокойно, не прекращались обыски и аресты, на фабрикѣ глухо волновались рабочіе, а въ университетахъ поговаривали о новой демонстраціи,—молодежь беззаботно веселилась и плясала на вечеринкахъ, не думая о томъ, что, можетъ быть, завтра многіе изъ нихъ будутъ выхвачены изъ товарищеской среды и отправлены въ жандармскіе застѣнки. Несмотря на то, что полиція удвоила свою бдительность, и сыскъ развился до небывалыхъ размѣровъ, на вечеринкахъ гремѣла рабочая Марсельеза, распѣвалась юмористическая „Нагаечка", и декламировались стихотворенія, въ которыхъ предавались проклятію угнетатели народа... Въ воздухѣ чувствовалось напряженіе приближающейся грозы, и возбужденная молодежь смѣло бросала вызовъ въ лицо своему врагу, утративъ всякій страхъ передъ тюрьмами, солдатчиной и нагайками, которыми правительство тщетно силилось поддержать. Напротивъ, гибель товарищей только еще больше зажигала юную кровь, и имена погибшихъ мучениковъ служили лозунгомъ для передовыхъ революціонныхъ отрядовъ.

Такъ какъ нѣсколько вечеринокъ было разогнано полиціей и участники ихъ переписаны, то Новый годъ рѣшили встрѣтить гдѣ-нибудь за городомъ. Нашлась и квартира: одинъ богатый сибирякъ, у котораго дочь училась на курсахъ, далъ свою загородную дачу, построенную въ стилѣ старинныхъ помѣщичьихъ домовъ, съ большой залой, съ хорами, съ боскетными и диванными комнатами. Веселая, разрумянившаяся на морозѣ молодежь стала собираться къ 10 часамъ и шумною гурьбою разсыпалась по палатамъ богача. Звонкій смѣхъ, говоръ и пѣніе наполнили пустыя, молчаливыя гостиныя, въ которыхъ царилъ тяжелый, нежилой запахъ. Въ складчину было устроено скудное угощеніе—чай съ бутербродами, пиво и для встрѣчи Новаго года—дешевая шипучка. Всѣ хозяйственныя заботы взяла на себя дочь богача и съ помощью своей преданной няньки разливала чай въ громадной столовой. Послѣ чая кто-то заигралъ на роялѣ, и затѣялись разные танцы—кадриль, венгерка, па-де-патинеръ и модные вальсы. Но молодежи какъ-то не танцовалось, и кто то громко крикнулъ:

— Къ черту танцы, господа,—надоѣло! Давайте лучше пѣть!

Образовался хоръ, и по залѣ поплыли заунывные звуки „Дубинушки“. Потомъ „Дубинушка“ смѣнилась малороссійской пѣсней: „Закувала та сыза зозуля“, но у пѣвцовъ что-то не вышло, и они не допѣли ее до конца.

— Эхъ, братцы, хорошо эту пѣсню въ прошломъ году Гусаренко запѣвалъ! сказалъ одинъ студентикъ. Коль начнетъ, бывало: „А на Вкраіни сонечко сьяе, наше козацство гуляе-гуляе, да й насъ выглядае“,—эхъ! такъ слеза и прошибаетъ!

— А гдѣ онъ теперь, Гусаренко? спросилъ кто-то.

— Какъ гдѣ? Развѣ не слыхалъ? послышались голоса. Его арестовали весной, а лѣтомъ онъ въ тюрьмѣ ламповымъ стекломъ зарѣзался...

На минуту всѣ смолкли, и въ огромномъ залѣ воцарилась тишина, точно черный ангелъ смерти пронесся надъ головами присутствующихъ, и всѣ почувствовали холодное дуновеніе его зловѣщихъ крыльевъ.

— Ну, довольно, господа, не вѣшать головы! крикнулъ тотъ же студентикъ и, вскочивъ на стулъ, запѣлъ:

Дружно, товарищи, въ ногу,
Духомъ окрѣпнувъ въ борьбѣ,
Въ царство свободы дорогу
Грудью проложимъ себѣ...

Всѣ подхватили пѣсню, и бодрые, вызывающіе звуки бурнымъ потокомъ понеслись подъ сводами залы.

„Тройственный союзъ“ тоже присутствовалъ на вечеринкѣ, причемъ Анюта имѣла какой то таинственный видъ и, хитро посмѣиваясь, выглядывала изъ уголка залы, куда она забилась.

— Ты чего, Анюта? спрашивала ее Липочка. Я ужъ вижу, ты что-то затѣяла?

— Ничего не затѣяла, такъ смѣюсь — своему смѣху! отвѣчала Анюта. Весело мнѣ!..

— Господа, 12 часовъ скоро! кричала изъ столовой хозяйская дочь, ударяя ножомъ по стакану. 12 часовъ,— Новый годъ пришелъ! Сюда идите!

Всѣ ринулись въ столовую и начали разбирать стаканы съ шипучкой. Старинные стѣнные часы мелодически прозвонили 12.

— Да здравствуетъ борьба! закричалъ кто то, и всѣ

стали чокаться стаканами. У кого не хватило шипучки, чокались чаемъ, пивомъ, а то даже и водой. Въ эту минуту въ толпѣ, тѣснившейся вокругъ стола, что то произошло; публику просили посторониться; нѣкоторые съ безпокойствомъ спрашивали: что такое? — и вдругъ съ легкимъ шорохомъ у всѣхъ надъ головами величественно развернулось громадное красное знамя...

— Русской молодежи... фабричная работница, Анна Ермолаева... жертвуетъ! крикнула Анюта своимъ громкимъ, грубоватымъ голосомъ и, застѣнчиво улыбаясь, вся раскраснѣвшаяся, высоко подняла знамя, надъ которымъ она потихоньку отъ всѣхъ, даже отъ Липочки, провозилась вчера всю ночь, купивъ матеріи на собственные гроши.

Неистовый крикъ восторга привѣтствовалъ и Анютино знамя, и Анютины слова. Всѣ тѣснились къ ней, жали ей руки, нѣкоторыя изъ женщинъ цѣловали ее и потомъ неизвѣстно почему цѣловались между собою. Всѣми овладѣло какое то необычайно радостное и буйное настроеніе. Говорили рѣчи, пѣли, плясали вокругъ стола, взявшись за руки и потомъ, образовавъ какой-то фантастическій хороводъ, съ пѣніемъ помчались по всѣмъ комнатамъ, при чемъ Анюта шла впереди съ своимъ краснымъ знаменемъ, которое развѣвалось и трепетало надъ толпой, какъ пламя. Въ одной комнатѣ набрели на кучку студентовъ, которые съ разъяреннымъ видомъ, отчаянно жестикулируя, спорили между собою о какихъ то деталяхъ послѣдней книжки Бернштейна. На нихъ налетѣли, розняли, подхватили подъ руки и повлекли впередъ, восклицая: „Къ черту Бернштейна, къ черту всякія разногласія,—да здравствуетъ великая соціальная революція"!.. Такъ спорщики и не доспорили...

Въ три часа ночи стали расходиться. Хотѣли было устроить шествіе съ Анютинымъ знаменемъ, но болѣе осторожные товарищи уговорили расходившуюся молодежь не дѣлать этого, и съ общаго согласія знамя было свернуто и оставлено на храненіе у хозяйской дочери до февральской демонстраціи.

Ночь была тихая, свѣтлая, звѣзды такъ и искрились, и снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, когда „тройственный союзъ" возвращался на свою Гончарную. Подруги были ве-

селы и всю дорогу оживленно болтали, вспоминая удачную вечеринку, рѣчи, тосты и разные смѣшные эпизоды.

— А ты молодецъ, Анюта! сказала Липочка. Придумала же!

— Погоди, еще не молодецъ, возразила Анюта. Это еще не штука въ четырехъ стѣнахъ фортель выкинуть, а вотъ погоди, коль на улицу выйдемъ да старому порядку „со святыми упокой“ пропоемъ, тогда и называй молодцомъ!

— Ахъ, когда же это будетъ? мечтательно вздохнула Липочка и вдругъ закричала: Ай, звѣздочка, звѣздочка упала... Смотрите!

Всѣ остановились и долго смотрѣли на небо, по которому золотою черточкой промчалась падучая звѣзда и угасла гдѣ-то въ таинственныхъ безднахъ вселенной.

— Хорошо, дѣвки, сказала Анюта. Милыя вы мои, какъ я васъ люблю!... Давайте деревенскія пѣсни пѣть. Онѣ запѣли вполголоса: „Ужъ какъ зимушка-зима студена нонѣ была“—и тихо пошли впередъ.

Дома Липочку ожидало письмо отъ отца. Дрожащимъ и еще болѣе не разборчивымъ почеркомъ онъ писалъ: „Милая моя дочка, поздравляю тебя съ новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ. Дай Боже тебѣ здоровья и всякаго успѣха въ наукахъ, а пуще всего береги ты себя отъ всякихъ злыхъ и вредныхъ увлеченій. Нѣсть власти аще не отъ Бога, и великій грѣхъ тому, кто преступаетъ завѣтъ Божій и безумно возстаетъ на законъ и порядокъ установленный помазанникамъ Божіимъ. Ради меня, стараго отца твоего, сторонись, Липочка, отъ лжеучителей и совратителей, и благо ти будетъ!—А насъ, Липочка посѣтилъ Господь: все село перебрала какая-то гнилая горячка, докторъ говоритъ—голодный тифъ. Оно и похоже на правду, потому въ нынѣшнемъ году мужички много претерпѣли отъ неурожая и крѣпко оскудали хлѣбомъ. Въ амбарахъ ни у кого ни зерна не осталось, и даже богатѣи наши прошлогодніе скирды почали. Что то будетъ, Липочка, и Богъ вѣдаетъ, а помощи ниоткуда не видно... Бабка Афимья твоя померла, Фроська тоже померла,— въ три дня скрутило, а вѣдь какая дѣвка то здоровенная была! Да, много народу повымела проклятая голодная горячка, опустѣло наше село. Одинъ пьяница-Анурка живехонекъ и велѣлъ послать тебѣ нижайшій поклонъ. Прощай, дочка

моя родная, шлетъ тебѣ благословеніе любящій отецъ твой смиренный іерей Афанасій".

„Бѣдный, милый папаша"! подумала Липочка, складывая письмо. „Бѣдная бабка-Афимья и Фрося!... Тихо и смиренно гибнете вы въ своихъ глухихъ деревняхъ, душитъ васъ безпросвѣтная тьма и голодный тифъ, а „помощи ниоткуда не видно"... Гдѣ же этотъ „законъ и порядокъ"? Ахъ, папаша, да неужели ты до сихъ поръ не видишь, что нигдѣ нѣтъ ни порядка, ни закона? Когда же, наконецъ, вы, отцы наши, поймете это и вмѣстѣ съ нами пойдете искать настоящаго порядка и закона? Неужели никогда?"

Январь и февраль прошли довольно тихо. Демонстрація не удалась, потому что рабочіе не вышли въ назначенный часъ на улицу,—отчасти потому, что противъ этого были приняты мѣры, и градоначальникъ распорядился оцѣпить фабрики и заводы цѣлымъ полчищемъ полиціи и солдатъ, а отчасти потому, что сами рабочіе отнеслись равнодушно къ студенческимъ прокламаціямъ и говорили: „студенты бунтуютъ, а намъ какое дѣло? Намъ отъ этого лучше не будетъ,—накостыляютъ въ загривокъ въ охранкѣ, только и всего"... Анюта бѣсилась и ругала рабочихъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Гдѣ же это народъ то, дѣвушки, гдѣ? говорила она. Обсчитываютъ насъ, обсчитываютъ, бьютъ—бьютъ, а мы все терпимъ? Что жъ дожидаться, когда насъ всѣхъ на молотилкѣ измолотятъ да съ кашей съѣдятъ? Нѣтъ ужъ, мое почтеніе! И такъ много обиды терпѣли, больше некуда! Пойду вотъ завтра на фабрику, выйду на середку и заору: „Ребята, что жъ долго мы еще прохлаждаться то будемъ? Отъ кого себѣ заступы ждемъ? Отъ генерала Барабанова что ль? Нѣтъ, ребятушки, покуда сами на улицу не выйдемъ да своими руками свое добро не возьмемъ,—ничего не будетъ! Такъ и зарубите у себя на носу"!

— Ну, Анюта, будетъ тебѣ! увѣщевали ее подруги. Рабочіе ни въ чемъ не виноваты: подожди, поймутъ хорошенько, что въ нихъ вся сила, они никого дожидаться не будутъ—сами пойдутъ, не удержишь!

— Да когда же они поймутъ? восклицала Анюта.

— Ишь ты какая нетерпѣливая! Тебѣ все сразу хочется? А ты подумай, много ли времени то прошло съ тѣхъ поръ, какъ рабочій человѣкъ самъ себя понимать началъ? Вѣдь ему не то что книжку почитать или подумать о чемъ-ни-

будь,—умыться да поѣсть и то некогда! И все-таки, смотри ка, сколько изъ рабочихъ хорошаго народу вышло? И не пересчитаешь!

— Гдѣ они? недовѣрчиво ворчала Анюта.

— А Халтуринъ—не рабочій? А Тихоновъ? А Михайловъ? пересчитывали подруги.

Анюта задумывалась и лицо ея начинало проясняться.

— А вѣрно, дѣвки! говорила она. И вправду нашего брата раскачать трудно, а ужъ какъ раскачаешь,—держись! Эхъ, да и будетъ же когда нибудь на нашей улицѣ праздничекъ!

Сама она была на демонстраціи и видѣла съ горечью, какъ ея знамя, сшитое съ такими надеждами и купленное на кровные гроши, было отобрано и трепалось за поясомъ у какого-то пьянаго, краснорожаго казака, который съ дикимъ свистомъ врѣзывался въ безоружную толпу и размахивалъ нагайкой направо и налѣво. Анюту разбирало сильное искушеніе ринуться на этого казака и отнять у него знамя, но бѣгущая толпа такъ притиснула ее къ какому то забору, что она чуть не задохлась и вся въ синякахъ вернулась домой.

— Ну, погоди! говорила она, разсматривая свои кровоподтеки и царапины. Погодите же вы, пьяныя морды, въ другой разъ я съ голыми руками не пойду, а возьму съ собой ножикъ! Живая въ руки не дамся! ужъ пырну въ пузо какого-нибудь подлеца!

Маша и Липочка тоже были во время свалки, но какимъ-то чудомъ уцѣлѣли, хотя нѣкоторыя ихъ однокурсницы и между прочимъ одна изъ сосѣдокъ по квартирѣ были жестоко избиты. Въ городѣ царило глухое недовольство, и шла дѣятельная агитаціонная работа. По рукамъ ходило множество прокламацій и воззваній, которыя читались нарасхватъ. А весною на нѣкоторыхъ фабрикахъ была неожиданно объявлена забастовка, и Анюта совсѣмъ пріободрилась. Каждый день приходила она съ работы возбужденная, взволнованная, воинственно настроенная, и приносила множество интересныхъ новостей.

— Ну, зашевелились, наши! говорила она. Слава тебѣ господи, начали поворачиваться! Должно, и у насъ на ниточной скоро забастуютъ! Вы, дѣвки, давайте побольше мнѣ листковъ то вашихъ, я ихъ по нашей камерѣ пущу!

У насъ дѣвки хорошія. Есть тамъ одна, сволочь, подозрительная, да я ее вышибу! У насъ разговоръ короткій,— завяжемъ голову юбкой да такихъ кренделей насыплемъ,— забудетъ какъ отца родного зовутъ!

Въ разгарѣ своей бурной дѣятельности Анюта вдругъ стала необыкновенно подозрительна, и ей всюду мерещились шпіоны. Съ хозяйкой своей, бывшей кухаркой генерала Барабанова и баронессы фонъ-Бонъ, она вдругъ вступила въ нѣжнѣйшую дружбу, подарила ей фунтъ кофею, раза два поила ее пивомъ и однажды сообщила съ торжествомъ:

— Ну, дѣвки, а я все вывѣдала отъ нашей дурищи то! За нашей квартирой слѣдятъ. Прячьте все хорошенько! А внизу подъ нами въ 38-мъ номерѣ сыщикъ живетъ изъ охранки. Хозяйка говоритъ, что онъ на фортепьянной фабрикѣ служитъ, а ужъ я по мордѣ вижу, что шпія проклятая.

— Да почемъ ты знаешь, что шпія? Можетъ и не шпія! возражали ей подруги.

— Нѣтъ, ужъ это вѣрно! Образина самая подлая, глаза, какъ у гадюки, а самъ рыжій. Всѣ шпіоны рыжіе!

Однажды ночью неожиданно загремѣлъ звонокъ. Анюта вскочила первая и ураганомъ ворвалась въ комнату Липочки.

— Давайте все сюда! Скорѣе, черти! Небось, напихали по карманамъ, дуры, и лежатъ, какъ святыя!

И прежде, чѣмъ подруги могли, что-нибудь возразить, она схватила со стола всѣ книги и бумаги, вывернула карманы у ихъ платьевъ и исчезла.

Тревога оказалась на этотъ разъ напрасной: звонила подруга сосѣдокъ, пришедшая къ нимъ ночевать съ дежурства, но это нисколько не помѣшало Анютѣ усилить свою осторожность, и она даже спать ложилась, не раздѣваясь на всякій случай.

Въ маѣ Липочка сдала экзамены и уѣхала въ Котовалово, трогательно распрощавшись съ Анютой, которая рыдала на весь вокзалъ и обратила на себя вниманіе всѣхъ жандармовъ.

Пріѣхавъ домой, Липочка нашла отца еще болѣе постарѣвшимъ и спустившимся. Увидѣвъ дочь, онъ распла-

кался, какъ ребенокъ, и долго не могъ успокоиться, повторяя сквозь слезы: „Липочка, Липочка... да никакъ это ты, Липочка? Да какъ же это ты, Липочка?...“

Село, дѣйствительно, опустѣло, какъ писалъ о. Афанасій, и многихъ своихъ дорогихъ пріятелей Липочка не нашла. Всѣхъ ихъ уложилъ голодный тифъ, и они крѣпко спали теперь на убогомъ погостѣ, надъ которымъ такъ же, какъ всегда, свѣтило солнышко, и играли румяныя зори, зажигались и потухали вѣчныя звѣзды, и носились свободныя, далекія тучки. И не было имъ теперь никакого дѣла до земныхъ страстей и страданій!

Липочка не скучала дома, читала, ходила въ гости къ знакомымъ крестьянамъ, гуляла по тихимъ полямъ и пустыннымъ проселочнымъ дорогамъ, и петербургская жизнь казалась ей теперь какимъ то страшнымъ сномъ. Иногда они спорили съ отцомъ, и Липочка старалась доказать старику весь ужасъ и нелѣпость современнаго строя Россіи, разсказывая ему о положеніи рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, о невѣроятныхъ преслѣдованіяхъ всякой живой мысли, объ арестахъ, обыскахъ и всякаго рода жестокостяхъ, совершавшихся въ тюрьмахъ надъ всѣми, кто не могъ больше выносить ужаснаго гнета и смѣло заявлялъ о своемъ негодованіи. Но о. Афанасій и слышать ничего не хотѣлъ и, отмахиваясь отъ Липочкиныхъ доводовъ обѣими руками, говорилъ:

— Не вѣрю, не вѣрю, и не говори мнѣ ничего объ этомъ! Зря мальчишки бунтуютъ, учиться не хотятъ, а государь нашъ добрый, имъ же добра желаетъ! Гдѣ это тиранятъ, кто тиранитъ, кого тиранятъ? Все это выдумки, вранье! Жиды и поляки выдумываютъ! Зря, матушка, никого въ тюрьму не посадятъ; не бунтуй, такъ и не посадятъ! А если и посѣкутъ маленько за бунтовство, то такъ и слѣдуетъ, и подѣломъ!

— А вотъ на васъ, папаша, доносъ то тогда написали, да къ архіерею вызывали, тоже подѣломъ? возражала Липочка.

О. Афанасій на минуту умолкалъ, опѣшенный, но сейчасъ же снова вскидывался.

— И подѣломъ, и подѣломъ! Не суйся не въ свое дѣло! Коли ты попъ, такъ и служи свою обѣдню, а ужъ правительство тамъ знаетъ, что ему дѣлать...

Но случалось иногда, что о. Афанасій не находилъ никакихъ возраженій на Липочкины рѣчи, и въ этихъ случаяхъ онъ раскисалъ, начиналъ хныкать и говорилъ: „Оставь, Липочка, голубчикъ, не смущай ты меня,—вѣдь старика не передѣлаешь“...

Былъ августъ, и была теплая, темная ночь. Громадныя звѣзды съ тихой печалью смотрѣли на старую землю, погруженную въ покой и молчаніе. Все село уже давно спало; улеглись и на поповскомъ дворѣ. Еще свѣтился нѣсколько времени огонекъ въ Липочкиной комнатѣ, но и онъ скоро погасъ. Вдругъ откуда-то издалека пронесся торопливый звонъ колокольчиковъ, и разбуженныя деревенскія собаки отвѣтили на него тревожнымъ лаемъ. Колокольчики слышались все ближе и ближе, и вотъ они уже несутся по селу, сливаясь съ бѣшенымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ, гиканьемъ ямщика и тяжелымъ хрипѣньемъ замученныхъ животныхъ. Около церкви они вдругъ смолкли, точно сквозь землю провалились, и вслѣдъ затѣмъ частый, громкій стукъ посыпался въ поповскія ставни и ворота. Первый проснулся о. Афанасій.

—Господи Іисусе, что это такое? пробормоталъ онъ, въ ужасѣ вскакивая съ постели. Никакъ у насъ стучатъ?

Громкій повелительный стукъ продолжалъ потрясать стѣны поповскаго дома. О. Афанасій въ одномъ бѣльѣ подбѣжалъ къ окну, отворилъ ставню и дрожащимъ голосомъ прокричалъ:

— Кто это тамъ барабанитъ? Что вамъ нужно? Кто такіе?

— Отворите немедленно! отозвался отъ воротъ чей-то сердитый голосъ. Не то прикажу ворота ломать!

— Батюшки мои, да что же это? прошепталъ о. Афанасій, всмотрѣвшись въ толпу людей, смутно чернѣвшуюся у воротъ. Разбойники что ли?...

Онъ хотѣлъ было закричать: „караулъ“! —но работникъ уже побѣжалъ къ воротамъ и съ громомъ отодвигалъ тяжелую перекладину. Толпа съ глухимъ говоромъ вошла во дворъ, и черезъ минуту тяжелый топотъ многочисленныхъ ногъ возвѣстилъ о ея прибытіи въ домъ.

—Огня! коротко скомандовалъ кто-то.

Чиркнула спичка и освѣтила усатыя, суровыя лица,

военныя фуражки и свѣтлыя пуговицы. Зажгли лампу, и высокій, широкоплечій жандармскій офицеръ съ полусѣдыми подстриженными усами, придерживая звякающую саблю, твердымъ шагомъ подошелъ къ столу и положилъ на него большой черный портфель. Вслѣдъ за нимъ вошелъ становой приставъ; осторожно ступая огромными сапожищами, ввалились два жандарма и урядникъ, а изъ-за ихъ спинъ выглядывали блѣдныя, испуганныя лица сотскаго караульщика и попова работника.

— Вы — священникъ Афанасій Силоамскій? отрывисто спросилъ жандармскій офицеръ, въ упоръ глядя на о. Афанасія.

— Я... прошепталъ тотъ, дрожа отъ холода и ужаса въ своемъ легкомъ одѣяніи.

— По распоряженію Департамента Государственной Полиціи я обязанъ произвести обыскъ у дочери вашей, Олимпіады Силоамской.

У о. Афанасія мгновенно высохло во рту и онѣмѣли руки и ноги. Онъ сдѣлалъ слабое движеніе къ комнатѣ дочери, но дверь отворилась и сама Липочка, совсѣмъ одѣтая, вышла оттуда. Она была блѣдна, но спокойна.

— Я — Олимпіада Силоамская, сказала она и обратилась къ отцу: папаша, ступайте, одѣньтесь! Вы озябли...

— Можете одѣться ! милостиво разрѣшилъ жандармскій офицеръ.

Но о. Афанасій какъ сѣлъ, такъ и остался на своемъ мѣстѣ, безгласный и бездвижный. Тогда Липочка стащила со стола бархатную скатерть и заботливо укрыла трепещущія плечи отца.

Начался обыскъ. Жандармы, топая, ходили по всѣмъ комнатамъ, лазили подъ диваны и столы, переворачивали постели, щупали подушки, снимали со стѣнъ картины и образа, и щелкали по нимъ своими грязными, корявыми пальцами. Жандармскій офицеръ въ это время просматривалъ Липочкины книги и переписку, а становой почтительно и подобострастно подбиралъ просмотрѣнныя бумажки и, избѣгая смотрѣть на о. Афанасія, клалъ ихъ около себя. А изъ полутемной передней торчали неподвижныя бороды, и глядѣли застывшія лица понятыхъ, а за окнами, въ тепломъ мракѣ августовской ночи, тихонько позвякивали колокольчики.

Обыскъ длился около трехъ часовъ. Жандармскій офицеръ отобралъ нѣсколько рукописныхъ тетрадокъ и писемъ и сдѣлалъ знакъ жандарму. Тотъ безтолково заметался и бросился въ переднюю.

— Веревочки... сказалъ онъ кому-то.

При этомъ словѣ о. Афанасій въ первый разъ зашевелился и бросилъ взглядъ, полный ужаса, на жандармскаго офицера.

— Веревочки... кому веревочки? пролепеталъ онъ какимъ-то дѣтскимъ голосомъ.

Жандармскій офицеръ потупился и, застегнувъ мундиръ, поднялся.

— Потрудитесь одѣться потеплѣе, обратился онъ къ Липочкѣ. И можете взять съ собою кое что изъ бѣлья и платья. Я имѣю предписаніе васъ задержать.

Липочка вздрогнула, посмотрѣла на отца и встала. Но къ о. Афанасію вдругъ возвратились и силы и голосъ. Онъ поднялся, весь бѣлый, какъ привидѣніе, страшный, съ длинными сѣдыми волосами, и вцѣпился въ дочь.

— Липочка, Липочка, Липочка! закричалъ онъ такимъ голосомъ, что у всѣхъ присутствующихъ похолодѣло внутри. Липочка, куда ты? Не ходи, не ходи съ ними... Какъ же я то?... Я то какъ же, Липочка?...

Жандармскій офицеръ что-то сказалъ шопотомъ становому. Тотъ весь покраснѣлъ, подошелъ къ о. Афанасію и, взявъ его за плечи, осторожно оттащилъ отъ дочери.

— Успокойтесь, о. Афанасій, сказалъ онъ ласково. Ну, что же это? Зачѣмъ такъ? Ничего особеннаго нѣтъ и Олимпіада Афанасьевна вернется...

Но о. Афанасій съ силой оттолкнулъ его отъ себя, вырвался у него изъ рукъ и, подбѣжавъ къ жандармскому офицеру, схватилъ его за аксельбанты.

— Что вы дѣлаете? Куда вы ее? за что, за что, за что? кричалъ онъ неистово.

— Нужно-съ! сухо и отрывисто сказалъ жандармскій офицеръ, дѣлая усилія освободиться отъ о. Афанасія. Спросите у вашей дочери, она, вѣроятно, лучше меня знаетъ, за что... Пустите меня, пожалуйста!

Но такъ какъ о. Афанасій все цѣплялся за него и про-

должалъ кричать: „за что“?—то жандармскій офицеръ, наконецъ, разсердился и раздраженно крикнулъ:

— Да возьмите его отъ меня!

Сотскій и урядникъ ринулись на бѣднаго, обезумѣвшаго старика и, насилу отодравъ его отъ жандамрскаго офицера, повалили на стулъ.

Въ это время Липочка, уже совсѣмъ одѣтая, въ шляпкѣ и пальто, съ узелкомъ въ рукахъ вышла изъ своей комнаты.

— Прощайте, папаша... начала было она, но увидѣвъ отца, бьющагося въ дюжихъ лапахъ урядника и сотскаго восклинула со слезами: оставьте его! что вы съ нимъ дѣлаете?

— Это не *мы* дѣлаемъ, сударыня! рѣзко сказалъ жандармскій офицеръ. Это *вы*-съ дѣлаете!...

И, тороплибо взявъ со стола свой портфель и свертокъ съ Липочкиными письмами, онъ понесъ свое грузное тѣло къ дверямъ. За нимъ бросился и становой, а жандармы накинулись на Липочку.

— Простились съ папашенькой? сказалъ одинъ изъ нихъ. Пожалуйте!...

Липочку увели; урядникъ послѣдовалъ за ними, оставивъ на попеченіе сотскаго и работника о. Афанасія, который уже не говорилъ ничего, а только кричалъ дико и протяжно: „а-а! а-а“!...

— Да-а!.. вздохнулъ становой, садясь рядомъ съ жандармскимъ офицеромъ въ тарантасъ и прислушиваясь къ дикому вою, несущемуся изъ оконъ попо́вскаго дома. Жалко старика...

— Чего-съ? спросилъ жандармскій офицеръ.

У станового языкъ прилипъ къ гортани.

Въ эту минуту передъ тарантасомъ изъ бархатнаго сумрака ночи возникла какая-то огромная фигура и хрипло заорала:

— Эй вы! Что это вы съ попомъ сдѣлали, разбойники? Куда дочку везете? Наша она, родная!... Не дадимъ Липочку въ обиду... Разражу!...

— Это что такое? Кто это? спросилъ съ безпокойствомъ жандармскій офицеръ.

— А это, ваше вскоблагородіе, пьяница тутъ одинъ... кузнецъ... поспѣшно отрапортовалъ урядникъ, помогая офицеру взгромоздиться въ экипажъ.

— Разражу!... продолжалъ орать Анурка. Дьяволы вы!... Полунощники окаянные!... Карраулъ!...

— Заткните ему глотку... приказалъ жандармскій офицеръ и взволнованнымъ голосомъ крикнулъ ямщику: трогай!

Урядникъ кинулся на Анурку и страшнымъ ударомъ кулака въ лицо свалилъ пьянаго кузнеца на землю. Затѣмъ онъ взвалился на свою лошадь и вскачь пустился догонять почтовую тройку, увозившую Липочку навсегда изъ родного села. Скоро топотъ копытъ и судорожный звонъ колокольчиковъ замерли за околицей и потонули въ торжественной тишинѣ ночи, оставивъ за собою Анурку съ окровавленнымъ лицомъ, распростертаго на землѣ, и разгромленный поповскій домъ, въ которомъ о. Афанасій все еще выл: „a-a! a-a!“

Сидя между двумя жандармами, которые бережно придерживали ее за талію, Липочка вдругъ какъ-то вся окаменѣла и притихла. Она смотрѣла на тихое небо, усѣянное тихими звѣздами, и ей почему-то вспомнилась яркая, зимняя ночь, когда онѣ съ Машей и Анютой возвращались съ вечеринки, беззаботно хохотали и пѣли пѣсни.

Липочку привезли въ Петербургъ и посадили въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Когда тяжелыя ворота съ глухимъ стукомъ затворились за нею, Липочкѣ показалось, что она провалилась въ какую-то мрачную яму, изъ которой не выйдетъ никогда. Ее провели въ контору, отобрали отъ нея всѣ ея вещи, и явившаяся по звонку заспанная надзирательница, длинная и тощая, какъ жердь, въ форменномъ платьѣ съ бархатнымъ воротникомъ, на которомъ были вышиты ключи—эмблема званія ея—начала обыскивать Липочку. Она шарила у нее за пазухой, ощупывала чулки и башмаки, засовывала пальцы всѣ рубцы и складки бѣлья и платья, наконецъ, не найдя ничего, повела ее въ камеру. Камера была узкая, длинная, съ холоднымъ асфальтовымъ поломъ, съ окномъ подъ самымъ потолкомъ, съ мрачными стѣнами, отъ которыхъ вѣяло холодомъ и отчаяніемъ, но Липочка рада была остаться одна послѣ трехъ сутокъ, проведенныхъ въ обществѣ жан-

дармовъ, и, повалившись на тощій соломенный матрасъ, сейчасъ же заснула мертвымъ сномъ.

Въ 6 часовъ утра ее разбудилъ стукъ форточки, продѣланной въ двери, и чей-то грубый голосъ выкрикнулъ: „Хлѣбъ"! Липочка вскочила и приняла кусокъ чернаго хлѣба, просунутый ей въ форточку. Черезъ нѣсколько времени тотъ же голосъ крикнулъ: „Кипятокъ"!—и такимъ же порядкомъ въ форточку всунута была оловянная кружка съ горячей водой. Затѣмъ Липочкѣ дали щетку и совокъ для сора и заставили ее подмести свою камеру. Послѣ этого ее оставили въ покоѣ, и, присѣвъ на табуретку, привинченную къ стѣнѣ, Липочка стала вспоминать все, что произошло съ нею за эти послѣдніе дни. За что ее арестовали? Она совершенно этого не знала. Можетъ быть, взятъ кто-нибудь изъ ея знакомыхъ, и найдены ея письма? Можетъ быть, Анюта проболталась кому нибудь, что брала у нея нелегальную литературу? Нѣтъ, это невѣроятно, Анюта не таковская и никому не проболтается. Но кто же?

Вдругъ ея размышленія были прерваны легкимъ шорохомъ и царапаньемъ за сосѣднею стѣной, рядомъ съ которой она сидѣла. Липочка встрепенулась. Шорохъ продолжался, за тѣмъ послышался какъ будто легкій стукъ Липочка встрепенулась, съ похолодѣвшимъ сердцемъ прислонула къ стѣнѣ и стала жадно слушать. Стучали! Несомнѣнно ей стучали!.. Но что, что? Липочка, обрадованная, взволнованная, въ свою очередь застучала. Ей отвѣтили, но не безпорядочно, какъ она, а размѣренно, съ паузами.—Разъ, два... Разъ-два-три-четыре-пять... Разъ-два-три-четыре... Разъ-два-три... „Ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой!" шептала Липочка, стараясь вспомнить порядокъ буквъ въ азбукѣ. И вдругъ ее осѣнило,—она поняла! Ее спрашивали: „кто вы"? Тогда она, сначала путаясь и сбиваясь, начала отвѣчать, и у нея завязался оживленный разговоръ съ ея невѣдомымъ сосѣдомъ. Она разсказала, кто она, откуда и когда взята, потомъ начала сама спрашивать: „Кто вы"?

— Александра Бондарева!—отвѣчали ей.—Арестована полтора мѣсяца тому назадъ... При обыскѣ взяты нелегальныя изданія... Къ допросу звали только одинъ разъ... Совершенно не знаетъ, чѣмъ окончится ея дѣло...

Липочка только что было застучала ей въ отвѣтъ,

какъ вдругъ загремѣлъ ключъ у дверей, влетѣла надзирательница и закричала:

— Не стучать! Нельзя стучать!.. Въ карцеръ захотѣли?

Съ этого времени Липочка стала осторожнѣе и перестукивалась со своей сосѣдкой только тогда, когда была увѣрена, что ее не застанутъ врасплохъ. Но это было очень трудно предвидѣть, потому что зоркій глазъ надзирательницы вѣчно слѣдилъ за нею въ форточку и кромѣ того заключенныхъ постоянно тревожили возгласами: „Хлѣбъ! Кипятокъ! Обѣдъ! Прогулка! Газъ!“

Однако урывками Липочкѣ все-таки удалось многое узнать отъ Александры Бондаревой. Между прочимъ узнала она, что Анюта Ермолаева тоже арестована въ іюлѣ, но гдѣ сидитъ, неизвѣстно...

Такъ прошла недѣля, и Липочка понемногу стала погружаться въ тюремную жизнь, однообразіе которой нарушалось только возгласами: „Кипятокъ! прогулка!“ и т. д. Сначала Липочка съ нетерпѣніемъ ждала прогулки, думая, что ей удастся увидѣть или услышать, что-нибудь интересное, но когда она, проходя по коридору, увидѣла длинный рядъ наглухо запертыхъ и безмолвныхъ дверей съ форточками, и на дворѣ тѣ же высокія и безмолвныя стѣны,—она разочаровалась и неохотно шла на прогулку. Только разъ ей удалось, увидѣть въ одну изъ форточекъ, которую надзирательница забыла запереть, чьи-то огромные, черные глаза, глядѣвшіе на нее съ жаднымъ любопытствомъ... Липочка невольно подалась было къ форточкѣ, но надзирательница опередила ее, захлопнула форточку и, грубо толкнувъ Липочку въ спину, повлекла ее внизъ по лѣстницѣ.

Самые скверные часы въ тюрьмѣ были вечерніе, когда газъ еще не зажигали, и камеры погружались въ сѣрый полумракъ, въ глубинѣ котораго сгущались какія-то пугающія тѣни, и чудились странные шорохи и голоса. Тогда Липочкѣ вспоминался отецъ, дрожащій въ своемъ нижнемъ бѣльѣ, вспоминались полные ужаса глаза и его отчаянный послѣдній вопль: „a-a! a-a!“ Страшная тоска змѣей обвивалась вокругъ Липочкина сердца, и, повалившись на койку, дѣвушка начинала горько рыдать. Иногда въ это же время какая-нибудь узница сосѣдней камеры, не выдержавъ тоскливаго одиночества и пугающаго молчанія

тюремныхъ стѣнъ, впадала въ истерическій припадокъ, и ея безумные крики, плачъ и хохотъ неслись по гулкому корридору. Ея безуміе заражало и другихъ: во всѣхъ камерахъ начинался крикъ, стукъ, истерическій смѣхъ; перепуганныя надзирательницы поднимали бѣготню, хлопали дверями; слышался звонъ ключей, тревожные голоса, угрозы... Наконецъ, зажигали газъ; теплый огонекъ своимъ живымъ свѣтомъ согрѣвалъ измученныя души заключенныхъ, и тюрьма затихала снова въ своемъ гробовомъ безмолвіи.

Много скрашивало Липочкѣ ея тюремные дни тайное перестукиваніе съ сосѣдкой. Но однажды утромъ, когда Липочка пила чай, въ корридорѣ послышались шаги, голоса, звонъ ключей; потомъ произошла какая-то возня, точно несли что-то тяжелое, и затѣмъ все затихло. Заинтересованная Липочка постучала сосѣдкѣ, спрашивая ее что такое случилось? Отвѣта не было. Она постучала еще разъ—молчаніе... Такъ прошелъ день, другой и третій, а на четвертый Липочкѣ послышалась въ сосѣдней камерѣ какая-то возня. Она постучала, но вмѣсто отвѣта къ ней ворвалась надзирательница, нашумѣла, накричала, отобрала у Липочки книги и ушла. Тогда Липочка поняла, что Александры Бондаревой уже не было рядомъ съ нею, и она осталась совсѣмъ-совсѣмъ одна...

Разъ вмѣсто обычнаго возгласа: „на прогулку“ надзирательница объявила Липочкѣ, что къ ней пришли на свиданіе, и повела ее по безконечнымъ извилистымъ корридорамъ куда то внизъ. Тамъ ее втолкнули въ какой-то шкафчикъ, и Липочка очутилась передъ проволочной рѣшеткой, отдѣлявшей ее отъ всего божьяго міра. Когда глаза ея привыкли къ полумраку, она различила сквозь густую сѣть двойной рѣшетки чье-то лицо и дико смотрѣла на него, не узнавая.

— Липочка, здравствуй!—послышалось изъ-за рѣшетки.

— Маша!!—воскликнула Липочка, и сама не узнала своего голоса,—до того дико онъ звучалъ послѣ цѣлаго мѣсяца молчанія.

Подруги нѣсколько секундъ молча смотрѣли другъ на друга, не зная, съ чего начать. Но, потомъ, вспомнивъ, что они теряютъ драгоцѣнное время, котораго имъ было отмѣрено только полчаса, дѣвушки, перебивая другъ друга,

начали осыпать другъ друга вопросами. Маша разсказала Липочкѣ, что только недавно пріѣхала въ Петербургъ и узнала о ея арестѣ, что ей будутъ давать свиданія каждую недѣлю, и что она принесла ей книгъ, денегъ и бѣлья. Липочка въ свою очередь просила Машу написать о. Афанасію и узнать, какъ его здоровье. Онѣ не успѣли еще и одной десятой доли того, что было нужно, передать другъ другу, какъ полчаса кончились, и Липочку увели обратно въ камеру.

Онѣ начали видаться каждую недѣлю, и Липочка съ облегченіемъ узнала, что отецъ ея живъ, здоровъ и скоро ей напишетъ. Дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ она получила отъ о. Афанасія письмо, въ которомъ онъ довольно безсвязно совѣтовалъ ей смиреніе и покорность и въ заключеніе посылалъ ей свое родительское благословеніе. Несмотря на краткость и безсвязность этого письма, Липочка пріободрилась, повеселѣла и терпѣливѣе стала ждать исхода своего дѣла, хотя и сама не знала, въ чемъ оно заключается.

Наконецъ, въ началѣ октября о ней вспомнили и повезли ее на допросъ. Ѣхали довольно долго, и сквозь спущенныя занавѣски кареты, Липочка смутно слышала гулъ и движеніе петербургскихъ улицъ. Сердце у нея шибко билось, голова кружилась, какъ у пьяной, и когда карета остановилась, и жандармъ пригласилъ Липочку выйти, она зашаталась и чуть было не упала на землю. Воздухъ свободы опьянилъ ее.

Дверь подъѣзда имъ отворилъ другой жандармъ и черезъ большую пріемную съ высокими стульями и лѣпнымъ потолкомъ провелъ Липочку въ небольшой, полутемный кабинетъ съ громаднымъ письменнымъ столомъ посрединѣ. Изъ-за стола поднялся жандармскій офицеръ и, упершись обѣими руками въ столъ, спросилъ любезно:

— Госпожа Силоамская?

— Да,—отвѣчала Липочка.

— Садитесь, пожалуйста!—пригласилъ ее жандармскій офицеръ и указалъ на стулъ противъ себя.

Жандармъ вышелъ и они остались одни. Офицеръ углубился въ бумаги, которыми былъ заваленъ весь столъ, сосѣдній шкафъ и даже стулья. Липочка сидѣла и разсматривала его. Это былъ человѣкъ лѣтъ 40 съ большой

четырехугольной головой, до самыхъ бровей заросшей густыми, черными, жесткими волосами, коротко остриженными. Большое, обрюзглое лицо его было покрыто нездоровой блѣдностью, а тяжелые, водянистые мѣшки подъ глазами, говорили о большомъ пристрастіи полковника къ выпивкѣ и ночнымъ кутежамъ. Черные же, рѣдкіе усы не закрывали его толстыхъ, блѣдныхъ губъ, рѣзко выдававшихся надъ массивнымъ, синеватымъ подбородкомъ, раздвоеннымъ посрединѣ. Во всей его плотной фигурѣ, въ толстой, короткой шеѣ, въ низкомъ лбѣ, до бровей заросшемъ волосами, было что-то бычачье, тупое и жестокое.

Кончивъ просматривать бумаги, полковникъ протянулъ свои короткіе, толстые пальцы съ некрасиво остриженными ногтями къ серебрянному портсигару, взялъ папиросу и взглянулъ на Липочку своими выпуклыми черными глазами, въ которыхъ свѣтилось какое-то тупое самодовольство и наглый вызовъ. Отъ этого взгляда Липочка вся вздрогнула и насторожилась, какъ птичка, неожиданно наскочившая на откормленнаго, избалованнаго кота.

— Итакъ, вы—госпожа Силоамская?—повторилъ полковникъ, игриво щуря глаза и закуривая папиросу, но вдругъ онъ перемѣнилъ игривый тонъ на оффиціальный и прибавилъ: „а вотъ и г. прокуроръ“...

Въ дверь, какъ-то бокомъ, неловко придерживая подъ мышкой портфель, прошмыгнулъ длинный, тощій господинъ въ золотыхъ очкахъ и съ кислымъ заспаннымъ лицомъ. И весь онъ былъ какой-то кислый: кисло смотрѣли его безцвѣтные, близорукіе глаза; кисло прилипли къ щекамъ желтенькія бачки; кисло свѣшивался къ тонкимъ губамъ длинный, заостренный носикъ, и даже его вицмундиръ, его галстухъ, его воротнички—все было кислое и какъ будто говорило: „эхъ, и не глядѣлъ бы на свѣтъ божій“...

Войдя въ кабинетъ, онъ положилъ портфель на столъ, поздоровался съ полковникомъ и досталъ изъ кармана тонкій платочекъ, пропитанный насквозь какими-то тончайшими духами.

— Отвъ'ятительная погода, полковникъ!—началъ онъ картавымъ голоскомъ, протирая очки. Гъ'язь, мей'зость, чой'тъ знаетъ, что такое!

Потомъ, надѣвъ очки, онъ усѣлся, уставился въ Липочку своимъ кислымъ, унылымъ взоромъ и погрузился въ молчаніе.

— Вы привлекаетесь по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ и объ организаціи среди нихъ преступнаго сообщества, имѣющаго цѣлью ниспроверженіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ современнаго государственнаго строя... — началъ полковникъ дѣловымъ тономъ. Что вы на это можете сказать?

Липочка молчала.

— Скажите, пожалуйста, вамъ извѣстна была личность, именующая себя Анной Ермолаевой?—продолжалъ полковникъ.—Вотъ въ вашей перепискѣ имѣются кое-какія указанія на то, что вы ее знали?

Опять никакого отвѣта. Товарищъ прокурора какъ-то укоризненно вздохнулъ и, вынувъ изъ кармана изящный костяной ножичекъ, началъ сосредоточенно чистить ногти.

— Вы не желаете отвѣчать? — повысивъ голосъ, спросилъ полковникъ.

— Я ничего не знаю...—вымолвила, наконецъ, Липочка.

Полковникъ переглянулся съ прокуроромъ и усмѣхнулся, показавъ крупные, бѣлые, должно быть, вставные зубы.

— Позвольте вамъ не повѣрить... сказалъ онъ, переходя опять въ игривый тонъ. Будто вы „ничего“ не знаете? *Мы* знаемъ, а вы не знаете? Ай-ай-ай, нехорошо съ.... Такая молоденькая барышня и такъ неоткровенна...

Этотъ игривый тонъ показался вдругъ неумѣстнымъ товарищу прокурора, и, вспомнивъ, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, долженъ стоять на стражѣ порядка и законности онъ кисло прокартавилъ:

— Г. полковникъ, къ дѣлу, пожалуйста...

„Ахъ ты, сопля“! выругался про себя полковникъ и снова обратился къ Липочкѣ:

— Вы, конечно, можете не отвѣчать, сказалъ онъ строго и внушительно. Но я предупреждаю васъ, что всякое уклоненіе отъ показаній ухудшитъ ваше положеніе. Будьте откровенны, разскажите все, что вы помните и знаете по этому дѣлу, и мы васъ сейчасъ же отпустимъ... добавилъ онъ мягче.

Липочка вся вспыхнула и звенящимъ голосомъ крикнула:

— Я не желаю отвѣчать!...

Полковникъ поднялъ плечи въ знакъ своего глубочай-

шаго сомнѣнія, всталъ и галантнымъ жестомъ указалъ Липочкѣ на дверь.

— Не смѣю удерживать... вымолвилъ онъ.

Въ дверяхъ выросъ жандармъ и увелъ Липочку.

— Молоденькая, а какая упрямая! сказалъ полковникъ, закуривая новую папиросу.

— Ахъ, всѣ онѣ такія! кисло воскликнулъ товарищъ прокурора. Надоѣли онѣ мнѣ всѣ...

И наскоро распростившись съ полковникомъ, онъ уѣхалъ къ своей дамѣ сердца, рыжей француженкѣ, которую онъ сильно подозрѣвалъ въ томъ, что она его обманываетъ съ бравымъ кавалергардомъ.

Возвратившись въ свою холодную камеру, Липочка расплакалась отъ обиды и негодованія. Заигрывающее обращеніе полковника и его наглыя подмигиванья показались ей оскорбительными; презрительное безучастіе прокурора вызывало въ ней безконечное отвращеніе. „И это—люди“! думала она, стирая со своихъ пылающихъ щекъ гнѣвныя слезы. „Это представители порядка и закона!“ И она рѣшила сидѣть еще хоть годъ, два года, всю жизнь въ этой сырой тюрьмѣ, но не отвѣчать имъ ни слова. „А папаша?“ мелькнуло у нея въ головѣ. „Бѣдный, милый, никогда, можетъ быть, я его больше не увижу, но что же дѣлать? Лучше умереть, чѣмъ унизиться передъ этими подлыми холопами“...

Потянулись опять унылые, однообразные дни съ кипяткомъ, прогулками и безконечной ходьбой взадъ и впередъ по одиночной камерѣ. Раза два видѣлась Липочка съ Машей, но ничего новаго отъ нея не узнала, и сама ничего хорошаго сообщить ей не могла. Отъ тоски, бездѣйствія и плохой пищи Липочка стала страдать безсонницей, головными болями и сердцебіеніями. Яркій деревенскій румянецъ давно потухъ на ея щекахъ, и болѣзненная тюремная желтизна покрывала ея хорошенькое личико.

Липочка уже и сама не помнила хорошенько, сколько времени прошло съ перваго допроса, какъ вдругъ ее снова посадили въ карету и повезли. Опять на подъѣздѣ ее встрѣтилъ жандармъ, и она очутилась въ той же комнатѣ, за тѣмъ же столомъ. Прокуроръ уже сидѣлъ здѣсь и имѣлъ сегодня болѣе веселый видъ. Онъ помирился со своей рыжей француженкой, и какъ разъ въ этотъ день она назначила ему свиданіе въ 3 часа у себя на квартирѣ.

— Ну-съ, M-lle Силоамская! встрѣтилъ Липочку полковникъ. Вотъ мы съ вами опять увидѣлись. Надумались вы или нѣтъ? Желате сказать намъ что-нибудь?

— Мнѣ нечего вамъ сказать, отвѣчала Липочка.

— Жаль, очень жаль! Вотъ ваши пріятели подобрѣе васъ. Анна Ермолаева утверждаетъ, что она васъ хорошо знаетъ, жила съ вами на одной квартирѣ и неоднократно пользовалась отъ васъ разными хорошенькими книжечками вродѣ, напримѣръ, этой...

И онъ фамильярно помахалъ передъ Липочкой какою то брошюрой, не показывая, однако, заглавія.

— Этого не можетъ быть! горячо воскликнула Липочка. Анюта этого никогда не сдѣлаетъ!

— „Анюта?“ воскликнулъ полковникъ и засмѣялся. Ага, значитъ, вы ее знаете? На первый разъ намъ этого довольно...

Липочка поняла, что ее поймали на удочку, и слезы выступили у нея на глазахъ.

— Какая гадость! прошептала она.

Полковникъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и продолжалъ:

— Прекрасно! Давно бы такъ... Теперь разскажите намъ, что это за „Анюта“, и въ какихъ отношеніяхъ вы съ нею находились.

Онъ вонзилъ въ Липочку свои наглые глаза, а прокуроръ вынулъ хорошенькій карандашикъ и навострился что то записывать въ свою записную книжку. Но Липочка молчала.

— Не желаете? спросилъ полковникъ. Напрасно... И, главное, совершенно безполезно, потому что мы и такъ все знаемъ. Упорнымъ молчаніемъ вашимъ вы только вредите себѣ и вашимъ товарищамъ. Отъ вашихъ показаній зависитъ ихъ участь... Разскажите все, что знаете, и завтра же онѣ будутъ на свободѣ.

Липочка колебалась. А что если и въ самомъ дѣлѣ она запирательствомъ своимъ вредитъ Анютѣ и еще кому нибудь изъ знакомыхъ, объ арестѣ которыхъ она не знаетъ? И, собравшись съ духомъ, она прошептала едва слышно: „спрашивайте!“

Полковникъ началъ допросъ. Онъ спрашивалъ, гдѣ она познакомилась съ Анной Ермолаевой, какихъ она была

убѣжденій, кто у нея бывалъ, и не видала ли она у нея какихъ-нибудь запрещенныхъ книгъ? По его вопросамъ Липочка скоро догадалась, что она опять обманута, что ничего имъ неизвѣстно, и вся въ холодномъ поту, боясь, какъ бы не проговориться, страшно напрягая все свое вниманіе и слѣдя за каждымъ своимъ словомъ, давала показанія. Она созналась, что знакома съ Анютой, но какихъ она убѣжденій, съ кѣмъ знакома и читала ли какія нибудь книги, этого совершенно не знаетъ. Сама тоже книгъ ей не давала, никого у нея не встрѣчала и о стачкѣ на ниточной фабрикѣ ничего не слышала. Полковникъ видимо былъ разочарованъ ея отвѣтами и въ заключеніе принялся показывать ей карточки разныхъ лицъ, изъ которыхъ Липочка почти никого никогда не встрѣчала. Во время допроса, прокуроръ видимо скучалъ, предложилъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, откровенно зѣвалъ и безпрестанно поглядывалъ на часы. Когда Липочка дописала послѣднюю строчку своихъ показаній, пробило 3 часа, и онъ испуганно вскочилъ.

— Ахъ, Боже мой,какъ поздно? воскликнулъ онъ. Мнѣ надо то'епиться.., Полковникъ, вы имѣете еще что-нибудь пъ'едложить?

— Да, да... отвѣчалъ полковникъ, вскакивая съ мѣста, еще нѣсколько вопросовъ...

— Въ такомъ случаѣ, пъ'ещайте... Я спѣшу, спѣшу... Ужасно некогда!...

И онъ помчался къ своей француженкѣ. Полковникъ суетливо проводилъ его до дверей и вернулся къ Липочкѣ.

— Ну-съ, кончили вы? спросилъ онъ, наклоняясь надъ ней и заглядывая ей въ бумагу.

— Кончила, сказала Липочка, чувствуя у себя надъ головой его тяжелое дыханіе, пропитанное табачнымъ дымомъ.

Но онъ не отходилъ отъ нея и продолжалъ дышать ей въ голову. Липочкѣ стало непріятно, и она отодвинула свой стулъ.

Онъ прошелся по кабинету, заглянулъ для чего-то въ одно окно, потомъ въ другое, и сѣлъ на свое прежнее мѣсто.

— Потрудитесь прочесть... сказалъ онъ отрывисто.

Липочка прочла и вопросительно взглянула на полковника. Онъ сидѣлъ, подперши голову рукой, смотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ, въ глубинѣ котораго шевелилось что-то загадочное, коварное, точно черная змѣя на днѣ глубокой ямы.

— Хорошо-съ!... началъ онъ, взявъ карандашъ и поигрывая имъ. Но это вѣдь еще не все, милая барышня. Неужели вы думаете, что мы такъ вотъ и повѣрили, что вы знать ничего не знаете и вѣдать не вѣдаете? Хе-хе... мы вѣдь не младенцы! Придется намъ еще съ вами побесѣдовать,—и не одинъ разъ!

Липочка тоскливо посмотрѣла вокругъ себя и сдѣлала движеніе встать.

— Можно мнѣ идти? спросила она.

Полковникъ вдругъ съ силой отбросилъ отъ себя карандашъ, всталъ и, обойдя кругомъ стола, сѣлъ противъ Липочки.

— Куда идти? Ну—куда? спросилъ онъ ее, посмѣиваясь и впиваясь ей въ лицо своими выпуклыми глазами съ красными жилками на бѣлкахъ. Въ тюрьму опять? Неужто еще не надоѣло? Вѣдь тамъ холодно, грязно, сыро,—крысы бѣгаютъ, я думаю... А между тѣмъ вамъ стоитъ сказать только одно слово,—и вы сегодня же будете свободны... Скажите это слово, и я все для васъ сдѣлаю. Отъ меня многое зависитъ.

— Какое слово? вымолвила Липочка съ ужасомъ, глядя на полковника.

— Хе-хе... неужто вы не знаете? Позвольте не повѣрить... Такая хорошенькая барышня, живетъ въ Петербургѣ, студенты тамъ всякіе увиваются, я думаю,—и вдругъ не знаетъ! Вѣдь, вы—курсистка? Физіологію изучаете? Понимаете, я думаю,—что чувствуетъ мужчина, когда ему нравится вотъ такая миленькая, такая...

Липочка, наконецъ, поняла... Она отскочила отъ полковника и, оглянувшись по сторонамъ, въ порывѣ отчаянія схватила со стола тяжелое чугунное пресъ-папье, лежавшее на бумагахъ. Но въ ту же минуту она почувствовала, что въ руку ей, какъ клещи, впились горячіе, толстые пальцы, и страшное лицо съ налившимися кровью бѣлками, съ трясущейся нижней челюстью и оскаленными бѣлыми зубами наклонилось надъ ней. У Липочки потемнѣло въ глазахъ, и сердце перестало биться...

Липочку привезли въ тюрьму еле живую, и даже надзирательница, видя, что Липочка шатается и не можетъ сама идти, почувствовала жалость въ своемъ окаменѣвшемъ сердцѣ и, подхвативъ ее подъ руку, повела на верхъ. „Эхъ, вѣдь, мучаютъ ихъ какъ на этихъ допросахъ"! думала она.

Войдя въ свою камеру, Липочка сейчасъ же легла на кровать, отвернулась къ стѣнѣ и такъ пролежала весь вечеръ, всю ночь и весь слѣдующій день. Нѣсколько разъ надзирательница входила къ ней, уговаривала ее хоть покушать чего-нибудь, но Липочка не отвѣчала, не вставала и широко открытыми глазами смотрѣла въ стѣну. И все одна и та же картина мерещилась ей: страшное, бѣлое лицо, налитые кровью глаза и трясущійся подбородокъ, раздвоенный по срединѣ... Иногда она даже чувствовала запахъ табачнаго дыма, смѣшанный съ запахомъ какихъ то духовъ, и ощущала на своемъ лицѣ прикосновеніе жесткихъ, щетинистыхъ усовъ и развратные поцѣлуи толстыхъ, мокрыхъ губъ. И тогда она начинала протяжно и жалобно стонать...

— У насъ 17-ый номеръ заговорилъ! докладывала надзирательница смотрителю. Какъ привезли съ допроса на-мертво, такъ и лежитъ. Не ѣстъ ничего, не раздѣвается и все стонетъ.

— Доктора надо позвать, сказалъ смотритель.

Пришелъ докторъ, пощупалъ Липочкѣ пульсъ, поміърилъ температуру и сказалъ:

— Ничего особеннаго. Маленькое разстройство нервовъ и малокровіе. Немножечко желѣза, немножечко бромистаго натра и все пройдетъ.

Липочкѣ принесли желѣза и бромистаго натра, и надзирательница, вооружившись пузырькомъ и ложкой, приступила къ Липочкѣ.

— Оставьте меня! простонала Липочка. Ничего мнѣ не надо, только оставьте, пожалуйста...

— Ну какъ это такъ „оставьте!" прикрикнула на нее наконецъ, разсерженная надзирательница. Нельзя такъ, матушка, мнѣ и безъ васъ дѣла много, а тутъ еще съ больными возись! Вы вѣдь, не на волѣ — капризничать-то!

Липочка поднялась и такъ взглянула, что та пожалѣла о своихъ грубыхъ словахъ.

— Давайте... проговорила Липочка.

— Ну вотъ и прекрасно, ангелъ мой! воскликнула надзирательница, когда Липочка выпила лекарство. Теперь молочка скушайте, яичекъ я вамъ сварила... А за дерзкія слова ужъ простите,—должность ужъ такая, изсобачишься здѣсь совсѣмъ...

Липочка машинально выпила и молоко и снова легла на койку,

— Ничего, 17-ый номеръ на поправку пошелъ! говорила надзирательница. Лекарство принимаетъ и кушать начала...

Но надзирательница ошибалась, и хотя Липочка принимала лекарство, ѣла, что ей предлагали, и даже начала вставать съ постели, но видно было, что она таетъ съ каждымъ днемъ. По цѣлымъ часамъ сидѣла она на одномъ мѣстѣ, подперши голову обѣими руками, и неподвижно смотрѣла въ пространство застывшимъ взглядомъ. Книгъ она теперь совсѣмъ не брала въ руки и о чемъ думала въ эти долгіе, убійственно-долгіе часы, — неизвѣстно...

Когда насталъ день свиданія съ Машей, и надзирательница, думая ее обрадовать, влетѣла къ ней въ камеру съ веселымъ возгласомъ: „На свиданіе къ вамъ пришли“! — Липочка вдругъ поблѣднѣла, затряслась и, закрывъ лицо руками, закричала:

— Не надо!... не хочу! не пойду...

И она разразилась такими ужасными рыданьями, что перепуганная надзирательница не знала, что ей дѣлать.

Маша сильно встревожилась и огорчилась, когда ей сказали, что г-жа Силоамская отказалась выйти на свиданіе. „Что съ ней такое?“ думала она. „ужъ не разсердилась ли она на меня за что-нибудь?“ Но когда и на слѣдующій разъ Липочка не вышла на свиданіе, Маша не на шутку обезпокоилась и написала ей письмо. Отвѣта не было. Тогда Маша забила тревогу и пошла къ смотрителю.

Смотритель принялъ ее очень любезно и старался ее успокоить. Г-жа Силоамская совершенно здорова и ничего особеннаго съ ней не случилось... Почему отказывается

отъ свиданій, — неизвѣстно; можетъ быть потому, что немножко разстроены нервы... Это бываетъ у заключенныхъ. Но его слова нисколько не успокоили Машу, и она съ тяжелымъ предчувствіемъ какой-то бѣды ушла изъ тюрьмы

На дорогѣ она встрѣтилась съ одной изъ курсистокъ жившихъ въ прошломъ году на квартирѣ кухарки генерала Барабанова, и та, замѣтивъ разстроенную физіономію Маши, бросилась къ ней.

— Вы отъ Силоамской? Ну что она? Какъ?

— Ничего не знаю, уныло отвѣчала Маша. На свиданія не ходитъ, писемъ не пишетъ, я просто съ ума схожу. Смотритель увѣрялъ, что она здорова, но я ему не вѣрю, вретъ, должно быть, по виду видно, что вретъ!

— Разумѣется, вретъ! Ахъ, бѣдная, бѣдная Липочка! А про Анюту слыхали?

— Ничего не слышала, а что?

— Нашли мы ее! съ оживленіемъ сообщила курсистка. Вѣдь, какъ ее взяли, такъ она точно въ воду канула. Кое кто тамъ изъ нашихъ бѣгали, бѣгали по всѣмъ тюрьмамъ, къ прокурору ходили, искали ее вездѣ—ничего! И вотъ случайно узнали... Знаете, гдѣ она? Въ Петропавловкѣ! Говорятъ, какъ ее забрали, она такого страху задала жандармамъ, что ее сейчасъ же въ крѣпость увезли. Отъ всякихъ допросовъ отказалась наотрѣзъ, — говоритъ, хоть шесть лѣтъ держите, ни слова не скажу, не желаю съ жандармами разговаривать... Вотъ молодчина-то! съ восхищеніемъ прибавила курсистка. Ну, мы очень рады, что ее отыскали. Теперь деньги ей собираемъ, будемъ свиданія добиваться. Да, пожалуй, не дадутъ: ужъ очень она обозлила жандармовъ. А, вѣдь, все хозяйка подлая виновата.

— Хозяйка? спросила Маша.

— Да! она вѣдь всегда имѣла зубъ противъ Анюты Ну вотъ, какъ Анюту взяли послѣ стачки, хозяйка на допросахъ и наплела, Богъ знаетъ, чего. Я думаю, и Липочку изъ-за нея арестовали. Ну, прощайте, побѣгу деньги собирать.

Маша высыпала изъ кошелька всѣ деньги, какія у нея были, и пошла домой. Она была рада, что Анюта наконецъ, отыскалась, но въ то же время сердце у нея болѣло

за сидящихъ въ заключеніи подругъ, и самыя черныя мысли приходили ей въ голову.

Однажды утромъ, заглянувъ въ форточку, надзирательница увидѣла Липочку, распростертую на полу около койки. Вся бѣлая юбка ея и ночная кофточка были покрыты кровавыми пятнами, зловѣще темнѣвшими въ синеватомъ свѣтѣ ранняго утра. Сначала надзирательница предположила самоубійство и въ ужасѣ подняла крикъ. Сбѣжалась вся корридорная прислуга; Липочку подняли и положили на койку. Она была въ глубокомъ обморокѣ, и вокругъ рта у нея запеклась кровь.

— Гм! глубокомысленно промычалъ докторъ, осмотрѣвъ больную. Очевидно, кровоизліяніе изъ легочной артеріи... Надо ее скорѣе въ больницу, все равно скоро помретъ...

Липочка пришла въ себя, но лежала, какъ мертвая, съ землистымъ лицомъ, съ почернѣвшими губами и огромными, глубокими, загадочными глазами, которыми она, казалось, не видѣла ничего и въ то же время видѣла все. Надзирательницы на цыпочкахъ поочередно подходили къ 17-му номеру, заглядывали въ форточку и шептались:

— Совсѣмъ, какъ покойница, лежитъ... Ужъ скорѣе бы ее отъ насъ увезли, а то эдакъ и оставаться съ нею страшно!...

И въ суевѣрномъ страхѣ онѣ жались другъ къ другу, Теперь даже и ихъ, привычныхъ къ тюремной тишинѣ, пугало безмолвіе мрачныхъ стѣнъ, хранившихъ въ себѣ страшныя тайны, и онѣ избѣгали громко говорить, хлопать дверями и гораздо мягче обращались съ заключеными. Величавая тѣнь смерти, неслышною стопою проникшая сквозь замки и преграды тюрьмы, освѣтила таинственнымъ свѣтомъ ихъ темныя души и заставила ихъ вспомнить, что рано или поздно всѣ—и тюремщики, и узники, и мучители, и замученные, и притѣснители, и притѣсняемые,—всѣ одинаково предстанутъ предъ единымъ вѣчнымъ и грознымъ Судіей...

Въ одинъ туманный февральскій вечеръ Липочку потихоньку, точно скрывая отъ людскихъ взоровъ какое то черное, преступное дѣло, перевезли въ больницу и помѣстили въ отдѣльной небольшой палатѣ съ ярко-бѣлыми стѣнами и огромнымъ окномъ, выходившимъ въ садъ. Въ первый разъ послѣ семимѣсячнаго заключенія Липочка

увидѣла звѣзды, тихо мерцавшія сквозь туманъ, и несмотря на страшную слабость, улыбнулась.

— Какъ хорошо! прошептала она. Пожалуйста, не закрывайте окна,—я хочу ихъ видѣть...

— Что вамъ, барышня? спросила ее сидѣлка.

— Звѣзды... звѣзды... могла только вымолвить Липочка.

Утромъ къ ней пришелъ докторъ, еще молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородкой и добродушнымъ некрасивымъ лицомъ. Онъ уже слышалъ, что вновь прибывшая больная—политическая арестантка, и отнесся къ Липочкѣ съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ.

— Ну что, какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ, съ улыбкой подходя къ Липочкѣ.

Липочка посмотрѣла на него своимъ загадочнымъ взоромъ умирающихъ и опять улыбнулась.

— Хорошо... хорошо! прошептала она, перебирая руками оборки кофточки.

— Ну вотъ, посмотримъ.

Онъ вынулъ стетоскопъ и сталъ выслушивать Липочку. „Бѣдняжка!“ подумалъ онъ съ состраданіемъ. „Не долго ты проживешь!... Галопирующая чахотка!“

Но вдругъ лицо его выразило недоумѣніе, и, прищуря свои близорукіе глаза, онъ сталъ пристально всматриваться въ красное пятно на груди Липочки.

— А это что такое?—пробормоталъ онъ съ изумленіемъ.—Давно это у васъ?

— Ахъ это... — сказала Липочка — Это ничего... не больно... Недѣли три тому назадъ...

Докторъ осторожно отвернулъ кофточку, разстегнулъ пуговицы рубашки и увидѣлъ такія же красныя пятна на шеѣ и на плечахъ Липочки.

— А... давно ли вы въ тюрьмѣ?—спросилъ онъ, скрывая свое волненіе.

— Съ 10-го августа... шестой мѣсяцъ.

— Ну ничего... Мы васъ вылѣчимъ! произнесъ докторъ и поспѣшно вышелъ изъ палаты. „Чахотка и... Мученица... мученица!...“ прошепталъ онъ, чувствуя, что у него сжимается горло.

Маша пришла на свиданіе въ обычный день и узнала, что Силоамскую отвезли въ больницу, побѣжала къ смотрителю.

— Она въ больницѣ, въ больницѣ!—задыхаясь отъ не-

годованія и отъ слезъ, кричала она.—Что же вы мнѣ не сказали, что она больна? Это стыдно... стыдно!..

Смотритель развелъ руками, немножко смущенный.

— Что дѣлать, мы сами не знали! Она сама скрывала! Вы успокойтесь, теперь ей отлично. Прекрасный уходъ, и вы можете съ ней видѣться, сколько вамъ угодно.

Маша сейчасъ же помчалась въ больницу, но ей сказали, что сегодня не пріемный день, и велѣли приходить завтра съ разрѣшеніемъ отъ прокурора.

Разрѣшеніе ей дали, и на другой день она отправилась въ больницу, рисуя себѣ разные ужасы. Ужъ если въ больницу отправили и такъ легко разрѣшили свиданіе, зна итъ, дѣло плохо! Но то, что она увидѣла, превзошло всѣ ея ожиданія. Передъ ней была не Липочка, а тѣнь Липочки... И какая ужасная тѣнь!..

При видѣ Маши въ громадныхъ глазахъ Липочки выразилась смертельная тоска, и она безпокойно зашевелилась.

— Липочка, Липочка, что съ тобою, голубчикъ?—воскликнула Маша, припадая къ изсохшимъ рукамъ Липочки. Отчего ты мнѣ не писала, что ты больна? Какъ тебѣ не стыдно?

Липочка молчала и беззвучно шевелила губами. Такъ Маша и не добилась отъ нея ни одного слова, и выйдя изъ палаты, разрыдалась.

— Докторъ, скажите, что съ ней такое? Она со мною ничего не говоритъ и даже какъ-будто не рада, что я пришла. Ради Бога, не скрывайте! Она очень опасна?

Докторъ мрачно кусалъ свою бороду.

— Совѣтую вамъ приготовиться ко всему... сказалъ онъ, наконецъ. Ей жить не долго. Если у нея есть родные, извѣстите ихъ, какъ можно скорѣе, можетъ быть, застанутъ.

— Боже мой, Боже мой, рыдала Маша, ломая руки. Она отказывалась отъ свиданій, ничего мнѣ не писала, и вдругъ... Съ ней что-нибудь страшное случилось, докторъ, я это чувствую! Она прежде совсѣмъ не такая была, и она меня такъ любила... Неужели это болѣзнь такъ ее измѣнила? Вѣдь, она со мною ни одного слова не сказала!

Докторъ смотрѣлъ на Машу и, вдругъ взявъ ее за руку, повелъ въ дежурную комнату и заперъ за собою дверь.

— Вы правы, сказалъ онъ. Ваша подруга — жертва ужаснаго преступленія. Какой то мерзавецъ... жандармъ или я не знаю кто... убилъ вашу подругу! Вы понимаете?.. Но я только *вамъ* это говорю, слышите? *Вамъ* одной...

Машу потрясъ ознобъ, и глаза ея дико смотрѣли на доктора.

— Но кто же... кто?.. пролепетала она побѣлѣвшими губами. Если бы я только знала... я бы убила его!..

Докторъ взглянулъ на нее съ безпокойствомъ и ласково взялъ ее за руку.

— Оставьте!—сказалъ онъ печально.—Вѣдь этимъ вы не вернете ей жизни! И я совѣтовалъ бы вамъ ни о чемъ ее не спрашивать. Зачѣмъ отравлять ей послѣднія минуты, зачѣмъ терзать ее гнуснымъ воспоминаніемъ? Она и безъ того измучена...

На этихъ словахъ голосъ его оборвался, и онъ отошелъ въ сторону.

Придя домой, Маша сейчасъ же написала о. Аѳанасію, что Липочка нездорова и желаетъ съ нимъ повидаться. Потомъ она сама отнесла письмо въ почтовый ящикъ и пошла бродить по улицамъ. Мучительная тоска грызла ея сердце, и ей страшно было возвращаться къ себѣ домой и оставаться наединѣ съ своими мыслями. Всю ночь пробродила она по городу и подъ утро, измученная, разстроенная, сама не зная какъ, очутилась передъ Аничковскимъ дворцомъ, у воротъ котораго неподвижные, какъ изваянія, стояли часовые. Маша остановилась и страшная ненависть зажгла ея душу. . . . . .

Черезъ нѣсколько дней она снова пришла въ больницу. На этотъ разъ что-то вродѣ улыбки шевельнулось на безкровныхъ губахъ Липочки.

— Здравствуй... прошептала она, дѣлая попытку поднять руку.

Маша схватила эту прозрачную, костлявую руку и, обливая ее слезами, заговорила:

— Липочка... Гадкая!.. Милая... Такъ ты меня еще любишь? Не сердишься на меня?

— За что?—спросила Липочка и снова улыбнулась.

— Почемъ я знаю... Ничего не писала, ничего не сказала, развѣ я знала, что съ тобою?—говорила Маша, забывъ всѣ предупрежденія доктора. О, еслибы я знала... Если бы ты сказала хоть одно словечко, что они сдѣлали

съ тобою!.. И ты молчала!.. И ты скрывала... отъ кого? Отъ меня... отъ Маши... своей любимой... своей единственной... Помнишь, еще въ училищѣ мы не скрывали ничего другъ отъ друга? А теперь, теперь, когда началась настоящая жизнь, настоящая дружба, ты отъ меня это скрываешь, злая, гадкая Липочка...

Улыбка погасла на лицѣ Липочки и, сдвинувъ брови, она пытливо и строго смотрѣла на подругу.

— А развѣ... ты знаешь?—спросила она.

— Все знаю! Все!.. все... Развѣ я могу не знать, что дѣлается съ тобой? Я это чувствую, я страдаю вмѣстѣ съ тобой, твоя боль—моя боль; твоя обида—моя обида... Липочка, драгоцѣнная моя, святая, мученица, скажи мнѣ, кто это сдѣлалъ? Кто? Кто? Я убью его... я на висѣлицу пойду, слышишь? шептала Маша въ безуміи, осыпая Липочкины руки поцѣлуями.

Липочка долго молчала, глядя куда-то мимо Маши своими огромными, загадочными глазами.

— Не надо... проговорила она, наконецъ, и отвернулась къ стѣнѣ.

На слѣдующее утро, только что Маша встала, ей подали двѣ телеграммы. Одна была городская отъ доктора, другая изъ Москвы, отъ о. Афанасія. „Ваша подруга скончалась", писалъ докторъ; „приходите проститься". А о. Афанасій сообщалъ: „Прибуду въ столицу съ почтовымъ".

Маша совсѣмъ потеряла голову и не знала, какъ она теперь скажетъ о. Афанасію о смерти дочери. Но прежде, чѣмъ идти на вокзалъ встрѣчать о. Афанасія, Маша побѣжала въ больницу.

Липочку еще не успѣли вынети нъ покойницкую, и она все еще лежала на своей койкѣ накрытая простыней. Яркое, весеннее солнце широкой волной вливалось въ окно и разсыпало по полу цѣлую стаю рѣзвыхъ зайчиковъ. Они разбѣгались по блестящему паркету, взбирались на стѣны и изрѣдка, точно украдкой, точно боясь нарушить вѣчный сонъ покойницы, осторожно вспрыгивали на койку и снова соскальзывали на полъ. Маша приподняла простыню, прильнула губами къ ледяному лбу усопшей и поспѣшно вышла.

Докторъ позвалъ ее въ дежурную и такъ же, какъ въ первый разъ, заперъ за собою дверь.

— Вотъ что, началъ онъ. Я долженъ васъ преду-

предить, что по городу уже ходятъ слухи о болѣзни вашей подруги и, главное, о причинахъ, вызвавшихъ эту болѣзнь. Я не знаю, изъ какихъ источниковъ идутъ эти слухи, и не имѣю никакого основанія подозрѣвать въ ихъ распространеніи ни себя, ни васъ. Но фактъ тотъ, что мнѣ самому уже во многихъ мѣстахъ пришлось слышать имя Липочки Силоамской въ связи съ извѣстными вамъ трагическими событіями, предшествовавшими ея болѣзни и смерти. Вѣрнѣе всего, что они идутъ изъ тюрьмы... иногда и стѣны говорятъ... Въ виду всего этого, я сильно опасаюсь, какъ бы похороны вашей подруги не вызвали какихъ-нибудь респрессалій... и поэтому прошу васъ предупредить всѣхъ вашихъ знакомыхъ и товарищей держаться, какъ можно корректнѣе и осторожнѣе. И безъ того слишкомъ много жертвъ... Слишкомъ много жертвъ! повторилъ онъ.

Докторъ былъ правъ, и, дѣйствительно, въ это же самое время, какъ онъ бесѣдовалъ съ Машей въ запертой на ключъ комнатѣ, во всѣхъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ по аудиторіямъ ходили подписные листы на вѣнки Липочкѣ Силоамской, и имя ея переходило изъ устъ въ уста, вызывая всеобщій взрывъ ненависти къ палачамъ.

Изъ больницы Маша отправилась на вокзалъ встрѣчать о. Афанасія и, хотя она никогда прежде его не видѣла, но сейчасъ же узнала въ худомъ, сгорбленномъ старикѣ, одѣтомъ въ поношенную ряску, Липочкина отца. Она подошла къ нему и отрекомендовалась. О. Афанасій торопливо, по-деревенски, сунулъ ей руку.

— Благослови васъ Боже, благослови васъ Боже... Ну что, какъ Липочка? спросилъ онъ.

Маша ничего не отвѣтила и заплакала. О. Афанасій догадался и перекрестился.

— Боже, милостивъ будь мнѣ грѣшному... пробормоталъ онъ. Царство ей небесное и вѣчный покой... Не жилецъ она была на бѣломъ свѣтѣ...

Машу, ожидавшую бурныхъ припадковъ отчаянія и слезъ, даже поразило такое спокойствіе о. Афанасія. Онъ какъ будто давно ожидалъ смерти дочери, и она нисколько его не поразила. „Счастливые эти старики!“ подумала Маша. „Всѣ они какіе-то безчувственные!“

Съ вокзала они прямо поѣхали въ больницу, и тутъ Маша перемѣнила свое мнѣніе о безчувственности о. Афа-

насія. Когда они вошли въ палату, и Маша открыла простыню, о. Афанасій весь затрясся, ахнулъ и зарыдалъ. „Это не Липочка... Это не она... Гдѣ моя Липочка? Куда вы ее дѣли?“ бормоталъ онъ, съ ужасомъ всматриваясь въ лицо покойницы.

И, дѣйствительно, на больничной койкѣ лежала не его дочь, не его Липочка... Вмѣсто цвѣтущей, юной, улыбающейся красавицы-дѣвушки передъ нимъ лежалъ трупъ шестидесятилѣтней старухи съ провалившимися глазами, съ черными ямами вмѣсто щекъ, съ изсохшею кожей, сквозь которую рѣзко обозначались всѣ кости... Но мало по малу старикъ сталъ узнавать свою дочь и, опустившись передъ койкой на колѣни, онъ съ горькимъ плачемъ говорилъ: „Она, она!... Липочка,—моя возлюбленная... Вотъ и родиночка на щечкѣ... и волосики ея... и ушки“... При словѣ „ушки“ онъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ ее, маленькую, однажды выдралъ за уши, и какъ она плакала тогда... и въ нестерпимой тоскѣ онъ рвалъ на себѣ волосы, колотилъ себя въ грудь и стоналъ, взывая: „Липочка, да что жъ это они съ тобой сдѣлали? За что? За что?“...

Маша не могла больше выносить этого зрѣлища и убѣжала.—Старикъ остался въ больницѣ, объявивъ, что ни за что не отойдетъ отъ тѣла дочери, самъ будетъ читать надъ ней псалтырь и самъ положитъ въ гробъ. Ему не мѣшали.

Докторъ боялся напрасно. Никакихъ распоряженій свыше о тайныхъ похоронахъ Силоамской не было, и дѣло шло обычнымъ порядкомъ. Начальство пряталось и дѣлало видъ, какъ будто оно забыло о Липочкѣ. Можетъ быть, оно боялось крутыми мѣрами вызвать бурный протестъ въ задушенномъ и обезличенномъ обществѣ, а, можетъ быть, подготовляло втайнѣ новую бойню для молодежи, чтобы кровавыми буквами навсегда запечатлѣть въ ея памяти имя новой жертвы произвола.

Въ день, назначенный для похоронъ, съ ранняго утра у воротъ больницы началось движеніе. Собирались нарочно пораньше, чтобы помѣшать увезти гробъ потихоньку, и сторожили у всѣхъ входовъ. По улицѣ, въ разныхъ направленіяхъ двигались молчаливыя кучки народа съ вѣнками, входили во дворъ и присоединялись къ толпѣ. Не было ни говора, ни шума; ждали тихо и въ полномъ порядкѣ.

Только по рукамъ ходили печатные листки съ біографіей и подробнымъ описаніемъ болѣзни и смерти Липочки Силоамской. Полиціи не было нигдѣ видно, точно она провалилась сквозь землю.

Въ три часа отворили двери больничной церкви и стали пускать публику. Часть народа не вмѣстилась и стала ждать на улицѣ и на дворѣ. Заупокойную обѣдню служилъ самъ о. Афанасій, и въ его старческомъ голосѣ, произносившемъ надгробныя молитвы, дрожали скорбныя рыданія. Послѣ службы гробъ подняли на плечи студенты и въ торжественномъ молчаніи понесли изъ церкви.

Передъ зданіемъ больницы отслужена была литія, только что процессія двинулась впередъ, какъ вдругъ изъ воротъ выбѣжалъ служитель и направился къ о. Афанасію.

— Ризы то, батюшка, сымите!... сказалъ онъ. Наши ризы то, больничныя...

О. Афанасій остановился и растерянно снялъ съ себя ризы, оставшись въ своей старенькой, деревенской рясѣ. Ропотъ негодованія пронесся по толпѣ.

— Господи Боже, да нешто я самъ? Мнѣ приказано... оправдывался испуганный служитель, исчезая съ ризами въ воротахъ.

Очевидно больничное начальство, ожидая неизбѣжной демонстраціи и боясь, какъ бы его не обвинили въ соучастіи и попустительствѣ, распорядилось снять съ о. Афанасія ризы, какъ вещественное доказательство этого соучастія и попустительства.

Но демонстраціи никакой не произошло. Послѣ маленькаго замѣшательства, вызваннаго эпизодомъ съ ризами, гробъ снова подняли на руки и понесли съ тихимъ и стройнымъ пѣніемъ по улицѣ. Прохожіе снимали шапки и съ удивленіемъ смотрѣли на эти странныя похороны. Впереди шелъ плачущій старикъ-священникъ съ длинными, сѣдыми развѣвающимися волосами, безъ ризы въ ветхой рясѣ, подпѣвая дребезжащимъ голосомъ: „святый Боже, святый крѣпкій!“... а за нимъ двигалась толпа юношей и молодыхъ дѣвушекъ съ поникшими головами и угрюмыми лицами. А надъ толпою, высоко поднятый на плечи самыхъ рослыхъ юношей, торжественно колыхался гробъ, весь по-

крытый вѣнками, и на красныхъ развѣвающихся лентахъ надпись: „Дорогому товарищу, Липочкѣ Силоамской... замученной холопами... погибшей за свободу и народъ"!...

КОНЕЦЪ.

Изданіе Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

1 **В. Г. Короленко** –Пріемышъ. . 2 к.
2 **В. І. Дмитріева**—Майна-вира . 3 к
3 **Е. Н. Чириковъ**—Маленькій грѣшникъ . . . . . 1 к.
4 **Л. Н. Андреевъ**—Баргамотъ и Гараська (съ картинк) . . 1½ к.
5[3] **Кретцеръ**—Исторія черн. сюртука . . . . . 1 к.
6 **Крандіевская**—Для души . . 2 к.
7 **Е. Н. Чириковъ.**—Свинья . . . 2 к.
8[3] **В. И. Немировичъ-Данченко**—Старый замокъ. . . . . 3 к.
9 **А. И. Свирскій**—Забракованный 2 к.
10 **Костинъ**—Ошибка . . . . . 3 к.
11 **В. І. Дмитріева**—Ее всѣ знаютъ. 3 к.
12 **Л. М. Станюковичъ**—За „Щупленькаго“ . . . . . 2 к.
13 **Митропольскій**—Вода . . . . . 2 к.
14[2] **Серафимовичъ**—Месть . . . . 3 к.
15 **Л. Мельшинъ**—Искорка . . . . 3 к.
16 **Л. Мельшинъ**—Чортовъ Яръ . 4 к.
17 **Л. Н. Андреевъ**—Гостинецъ . . 2 к.
18 **Л. Н. Андреевъ**—Петька на дачѣ 2 к.
19 **В. І. Дмитріева**—Мама на войнѣ 3 к.
20 **Л. Андреевъ**—Въ Сабуровѣ . . 2 к.
21 **И. П. Бѣлоконскій**—Страховка 2 к.
22 **П. А Ивашева**—Мой день . . . 2 к.
23 **В. Г. Короленко**—Ночью (съ рис, Е. Бемъ) . . . . . 5 к.
24 **Н. И. Тиховскій**—Среди людей 5 к.
25 **С. Ф. Русова**—Біографія Гарибальди (съ портр.) . . . . . 4 к.
26 **С. Т. Семеновъ**—Отчего Параша не выучилась грамотѣ . . 3 к.
27 **Н. Н. Златовратскій**—Мечтатели 4 к.
28 **А. Купринъ**—Ночная смѣна . . 3 к.
29 **Э. Ожешко**—Гедали . . . . . 3 к.
30 **С. Юшкевичъ**—Хаимка и Іоська 2 к.
31 **В. Вересаевъ**—Въ пути . . . . 1 к.
32 **И. Франко**—Самъ виноватъ . 1½ к.
33 **И. Алексѣевъ**—Изъ за хлѣба насущнаго. „Лищній“ . . . . . 1½ к.
34 **Серафимовичъ**—Стрѣлочникъ . 3 к
35 **В. Вересаевъ**—Въ сухомъ туманѣ. 2 к.
36 **П. И. Митропольскій**—Отсрочка 1 к.
37 **А. Яблоновскій**—Удружилъ . . 1 к.
38 **И. Франко**—Хорошій заработокъ 2 к
39[2] **Мать** (перев. съ арм.) . . . . 1½ к.
40 **Остоя**—Поденщикъ. . . . . 2 к.
41 **Некрасовъ и Никитинъ**—Избранныя стихотворенія. . . . . 4 к.
42 **И. А. Бунинъ**—Байбаки . . . . 3 к.
43 **И. Петровскій**—Не дался . . . 1 к.
44 **В. И Дмитріева**—Бѣлыя крылья 2 к.
45 **А. Серафимовичъ**—Въ бурю . . 3 к.
46 **А. Яблоновскій**—Конокрадъ . . 3 к.
47 **И. Франко**—На днѣ . . . . . 9 к.
48[3] Какъ сицилійск. крестьяне улучшили свое положеніе . . . . . 6 к.
49 **В. И Немировичъ-Данченко**—Воскресшая пѣснь . . . . . 5 к.
50 **В Вересаевъ**—Повѣтріе . . . . 4 к.
51 **И. П. Бѣлоконскій**—Деревня Печальная . . . . . 3 к.
52 **В. І. Дмитріева**—Волки. . . . . 3 к.
53[3] **Серафимовичъ**—Степные люди 3 к.
54 **П. Митропольскій**—На плотахъ 3 к.
55 **Короленко**—Черкесъ (съ 2 рис.) 4 к.
56 **В. Вересаевъ**—Звѣзда (восточн. сказка) . . . . . 1½ к.
57 **Н. Д. Телешовъ**—Противъ обычая 2 к.
58 **Яблоновскій**—Въ консультаціи 3 к.
59 Пѣсни труда. . . . . 8 к.
60 **Темный**—Сироткинъ (изъ жизни рабочихъ). . . . . 3 к.
61 **Только часъ. А. Крандіевской и др. разсказы** . . . . . 10 к.
62 **И. Бунинъ**—Надъ городомъ . 1 к.
63 **Елпатьевскій**—Отлетаетъ мой соколикъ (изъ сибирск. жизни) 2 к.
64 **К. Станюковичъ**—Эмигрантъ 3 к.
65 Избранныя стихотворенія **С. Я. Надсона** и др. поэтовъ . . . 3 к.
66 **Л. Андреевъ**—Ангелочекъ . . . 3 к.
67 **Л. Андреевъ**—Жили-были . . 3 к.
68 **Скиталецъ**—Атаманъ. . . . . 2 к.
69 **Серафимовичъ**—Въ камышахъ 3 к.
70 **И. Рубакинъ**—Дѣдушка Время 7 к.
71 **А. Яблоновскій**—Завѣтная мечта 3 к.
72 **С. Елпатьевскій**—Присяжнымъ засѣдателемъ . . . . . 2 к.
73 **Вересаевъ**—Къ спѣху. . . . . 1 к.
74 **А. Серафимовичъ**—На льдинѣ 3 к.
75 **Л. Мельшинъ**—Маленькіе люди 4 к.
76 **Е. И. Булгакова**—Что за страна Японія . . . . . 5 к.
77[3] **Яковлева**—Свидѣтель . . . . 8 к.
78 **Н. Д. Телешовъ**—Хлѣбъ-соль 1½ к.
79[3] **С. Русова** — На счастливыхъ островахъ . . . . . 6 к.
80 **В. Г. Короленко**—Соколинецъ 7 к.
81 **Е. Н. Чириковъ**—Коля и Колька 2 к.
82 **С. Елеонскій**—Огорченіе . . 3 к.
83 **С. Русова**—Братья Гракхи . 3 к.
84 **Н. Телешовъ**—Нужда . . . 1½ к.
85 Избр. стих. **Алексѣя Толстого и др. поэтовъ** . . . . . 3 к.
86[3] **Молодая жизнь** . . . . . 7 к.
87 **Э. Золя**—Кровь . . . . . 3 к.
88 **Танъ**—Елка въ Америкѣ . . . 3 к.
89 **Г. И. Успенскій**—Будка . . 3 к.
90 **В. Г. Короленко**—Мгновеніе и Огоньки . . . . . 3 к.
91 **Пѣсни мира**—Сборн. стих. . 2 к.
92 **В. Н.-Данченко**—Соловьиная ночь . . . . . 1 к.
93 **И. П. Бѣлоконскій**—Страшное мѣсто . . . . . 1½ к.
94 **О. Мирбо**—Бродяга . . . . . 1 к.
95[2] **Голодъ властелинъ** . . . . . 12 к.
96 **Н. И. Тиховскій**—Травля . 5 к.
97 **Наживинъ**—Волосъ Мадонны 1 к.
98 **И. Франко**—Къ свѣту. . . . 3 к.
99 **Е. Чириковъ**—Въ отставку . 7 к.
100 **Зарницы** — Сборникъ стихотвореній . . . . . 5 к.
101 **Л. Андреевъ**—На станціи . . 1 к.
102 **И. Бунинъ**—На край свѣта 1½ к.

Изданіе Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

103 **Н. Рубакинъ**—Искорки . . . 5 к.
104 **В. Короленко** — Марусина заимка . . . . . 10 к.
105 **П. Я.** (Л. Мельшинъ)—Избранныя стихотворенія . . . . . 6 к.
106 **Л. Н. Андреевъ** — Въ темную даль . . . . . 3 к.
107 **Л. Н. Андреевъ**—Валя . . . 2 к.
108 **В. Вересаевъ** — Объ одномъ домѣ . . . . . 3 к.
109 **В. Короленко** — Послѣдній лучъ . . . . . 3 к.
110 **В. Короленко**—Морозъ . . . 4 к.
111 **Л. Мельшинъ**—Въ плѣну . . 3 к.
112 **М. Сибиракъ**—Въ худыхъ душахъ . . . . . 4 к.
113 **Чириковъ**—Танино счастье . 5 к.
114 **Н. Рубакинъ**—Книгоноша . 12 к.
115 **Короленко**—Сказаніе о Флорѣ 3 к.
116 **Л Андреевъ**—Весеннія обѣщанія . . . . . 3 к.
117 **И. Наживинъ**—Ложь . . . . 1½ к.
118 **Суздальцевъ**—Остлеръ, другъ фабричныхъ дѣтей . . . . . 3 к.
119 **Крюковъ**—Въ родныя мѣста . 5 к.
120 **В. Г. Короленко**—Государевы ямщики . . . . . 7 к.
121 **М. Кононицкая**—Яктонъ . 1½ к.
122 **А. Яблоновскій**—Нухимъ . . . 3 к.
123 **П. Бутошинъ**—Случай . № 212 1 к.
124 **С. Русова**—Какъ болгары добыли себѣ свободу . . . . . 6 к.
125 **В. Короленко**—На затменіи . 3 к.
126 **Погорѣловъ**—Въ глуши. . . . 3 к.
127 **Юшкевичъ**—Кабатчикъ Гейманъ . . . . . 4 к,
128 **Наживинъ**—Въ степи 1½
129 **Кононицкая**—Мендель Гданскій . . . . . 3 к.
130 **А. Пругавинъ**—Милліонъ . . . 6 к.
131 **Осиповичъ**—Въ лѣтнюю ночь 2 к.
132 **Гези**—Благотворительность . 2 к.
133 **Дикштейнъ**-Кто чѣмъ живетъ. 3 к.
134 Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу . . . . . 5 к.
135 **Короленко**—Чудная . . . . . 3 к.
136 **Бакурцевъ**—Какъ выбирать народн. представителей . . . . 1 к.
137 Разрушенный молъ. . . . . 1 к.
138 **Успенскій**—Неизлѣчимый. . . 5 к.
139 **Бунинъ**—Черноземъ . . . . . 3 к.
140 **Л. Андреевъ**—Предстояла кража . . . . . 1½ к.
141 **Кононицкая**—Дымъ . . . . 1½ к.
142 Національн. собраніе . . . . 1½ к.
143 Что надо знать солдату . . 2 к.
144 Мѣстное самоуправленіе . . . 3 к.
145 Права человѣка и гражданина
146 Въ странѣ свободныхъ крестьянъ (Норвегія) . . . . . 2 к
147 **Бирскій**—Безъ исхода . . . . 3 к.
148 О земельномъ вопросѣ въ новой Зеландіи . . . . . 2 к.
149 Сонъ подъ 1-е мая . . . . . 3 к.
150 Пауки и мухи . . . . . 1 к.
151 Сказаніе о царѣ Симеонѣ . . 5 к.
152 Хватитъ ли на всѣхъ земли . 2 к.
153 Что такое го сударственная роспись . . . . . .
154 Бѣгство короля . . . . . .

Склады книгоиздательства „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону, Казанская ул., № 42.

С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, № 5.

Лица, выписывающія на 3 руб., въ предѣлахъ Европ. Россіи (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Москвѣ—въ книжномъ магаз. „Трудъ“, книж. магаз. Путиловой.
Въ Одессѣ—въ книжн. маг. „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ въ Саратовѣ и Харьковѣ—въ книжныхъ складахъ губернскихъ земствъ.

Дозволено цензурою 28 Марта 1905 г. Ростовъ на Дону.